

Точки

1. Намма, младший советник Полотняного приказа

Вроде бы непримечательное зрелище: чиновники с охраной возвращаются в Столицу из какой-то поездки. Один — маленький, кругленький, благообразный; другой, чином пониже, — долговязый, длиннолицый, угловатый. Первый хранит выражение суровой неподкупности, второй размахивает свободной от поводьев рукою и зубоскалит. Охрана и лошади — утомлены и бесстрастны. Для поселян из глубинки чиновники выглядят как немалое начальство; для обитателя пригородов — как особы видные, но никак не исключительные: младший советник и делопроизводитель, судя по казённому платью. И только исконный житель Столицы, увидев их, содрогнётся — распознав, что оба господина служат в Полотняном приказе, самом грозном учреждении державы. Тамошние чиновники и указы Государя оглашают — с длинных шёлковых полотен, стоя в воротах Дворца, — и старые грамоты хранят за много царствований, и ещё — выясняют, кто в Облачной стране мятежник, а кто — верноподданный.

— Да уж, — дёргает головой долговязый, — если уж кого виноватым назначат — тому не выплыть, будь он хоть чище чистого!

Пухлый чиновник морщится: как же, мол, мне это надоело!

Кто сам мечтал бы служить по Полотняной части и с юных лет упражнялся в слежке за окружающими, мог бы заметить и ещё кое-что. Оба чиновника безоружны, при такой охране не удивительно. Стражники — кто при сабле, кто с луком и стрелами. А вот один из них сразу о двух луках и о двух колчанах. Это значит, приказные

кого-то разоружили. Взяли в бою, тело, как обычно, приказали везти местным жителям за их счёт, а сами поскакали вперёд с докладом? Или ещё хуже: оружие пришлось сдать кому-то из этих самых чиновников. У Полотняных полномочия широки, при надобности мог и делопроизводитель взять под стражу советника. Кто кого? По лицам сыскным не прочтёшь.

Младшему советнику Намме очень хотелось бы думать, что дело закончено. По-своему красиво — если присоединиться к суждению мудрецов, что и грязь может быть прекрасной. Лишь бы она не расползлась далеко за приказные двери.

Улики есть, задержанный есть. Нет признания, но оно не обязательно. Хуже, что нет самого главного — даже пойманный вор не заменит ненайденного краденого. И пока пропажа не обнаружится — делу конца не будет. По крайней мере, сколько-то благополучного. Но выбивать эти сведения — куда спрятал, кому отдал, — к счастью, уже не Наммина задача.

Всё началось пять дней назад. Утром Намма является в Приказ, принимает смену у очередного чиновника, ночевавшего сегодня в Приказе — вот этого делопроизводителя Ёкодзимы из Сыскного отдела; у второго очередного, писаря Кэйрана из Главного, сменщик запоздал, подошёл чуть позже. Подтягиваются другие служащие, прибывает глава приказа, господин Асано-средний. Минуя оба отдела, зашёл в свой должностной покой — а через полчаса поспешно проследовал обратно, к выходу, шурша многослойными одеждами и с таким выражением лица, что все насторожились. Воротился глава Приказа уже после полудня, обвёл скорбным взором служащих, спросил:

— Где? — и в ответ на почтительно молчание уточнил: — Где Государева правка?

А поскольку Намме выпало несчастье быть в тот день очередным, внутреннее расследование ему и

поручили. Очень неприятное.

Правка высочайшею рукой внесена была в список святилищ Облачной страны, каковым по сборе урожая нынешнего года посланы будут дары от Государя. Свиток примерно в три с половиной тысячи строк, из них несколько десятков отбиты были киноварными точками: исключены. Даже на беглый взгляд видно было, что убавился список сильнее, чем разросся в этом году за счет разных новых святынь. Сыщик Намма такие перечни видел не раз, не даром он — из младшей служилой родни Конопляного дома Асано: господин Асано-старший, отец Намминого служебного начальника, возглавляет Палату Обрядов. Каждый год перечень одаряемых утрясается не сразу и не без торга. В нынешнем году господин Асано-средний, нарушая служебный устав, выносил Государевы исправления из Приказа, на просмотр отцу и другим высшим жрецам Облачной державы. Но будто бы вернул, во всяком случае, в усадьбе у себя не нашёл. И сам прекрасно помнит, как накануне вечером тут, в Приказе, положил свиток в ларец с другими грамотами, ещё не перебеленными после высочайшей правки. Оставил, как принято, этот ларец у своего стола.

Ларец на месте, другие грамоты тоже. А списка нет.

Чиновник, находящийся на службе ночью, может и должен открыть этот ларец в случае, если за полотнами пришлют из жилых покоев Государя. В случае пожара, землетрясения, потопа — вынести в безопасное место, не открывая. Но не более того.

Ни Ёкодзима, ни Кэйран, по их словам, ларец не трогали. Никого постороннего во внутренних дворцовых воротах — где в боковой части расположен Приказ, — замечено не было, это подтверждают караульные. На черепичную крышу ворот Намма слезал сам, убедился, что и там — никаких следов. Под полом — тоже.

Кэйран предположил: грамоту могли утащить

мыши — что-то в покое у Асано шуршало. Ночные чередовые проверили, мышей не обнаружили (или спугнули) и успокоились. Но никакая мышь не сможет развязать шнур, которым был перетянут ларец, и уж тем более — завязать его вновь, как было.

Ёкодзима только очи возвёл горе:

— Не смею и предполагать, кому мог понадобиться этот свиток...

На что он намекал — к сожалению, ясно. Если среди ночи Властитель Земель затребовал грамоту к себе и велел держать это в тайне — даже своему непосредственному начальству чиновники в этом признаться не вправе. Или не в силах, учитывая чудеса Государевы: если Властитель Земель словом веским, словом грузным повелит: «Забудь!» — так и не вспомнишь потом даже при желании. Намма сам с такими чудесами не сталкивался, но вдруг?

Так что у господина Асано-среднего следующий день ушёл на осторожные выяснения: не случилось ли чего подобного? Ближние дамы Государя отмалчиваются. Старший Конопляный господин, от которого пропажу, конечно, скрыть и не пытались, воспользовался родственным правом — не зря же он дед государя с материнской стороны! Государь Унрин изволил ответить: «Что я написал — то написал. Что вы соскребли — то соскребли. Жду беловик в ближайшее время».

Намма, однако, в тот день тоже времени не терял. На другой грамоте в том же ларце заметил подозрительно пятно. Понюхав, ощутил легчайший запах рыбы, копчёной и, видимо, жирной. А поскольку рыба — ещё менее вероятный похититель, нежели мышь, то решил проверить, чем подкреплялись ночью чередовые чиновники.

У Кэйрана дома — всё в раздрае, хозяйка разболелась, горюя о недавно умершем ребёнке, и рис-то варят не каждый день. Так что писарь на ту ночь взял еды с дворцовой поварни, каши с овощами,

никакой рыбы там не было. Свидетели подтвердили. Ёкодзима приносил себе перекусить из дома, в коробочке, как всегда. Пока делопроизводитель был в приказе, Намма посетил его городскую усадьбу. Уже во дворе ему предстало не самое обычное зрелище: у дальней стены стоят три расписные доски, со следами от стрел. Недаром Ёкодзима на летних состязаниях в стрельбе взял первую награду, обойдя и Правую, и Левую стражу — к великой гордости Полотняного приказа. В усадьбе Намма обыскал всё, сверху донизу. Помимо бумаг, туши, колчанов и луков обнаружил и коробку для еды. Пустую, но тот же запах ещё можно было учуять. И слуги не посмели отрицать, что давеча собрали господину в ночную смену, в частности, копчёного угря.

Намма воротился в Приказ, был вызван к Асано, доложил; тем временем Ёкодзима уже отправился домой. И конечно, узнал от слуг об обыске во всех подробностях. И немедленно покинул Столицу, воспользовавшись чрезвычайным пропуском Приказа — ему, между прочим, не положенным.

Пришлось младшему советнику Намме отправляться в погоню. С такими делами лучше управляется его родич и подчинённый Хокума — но тот сейчас на выездном задании, далеко от Столицы. Печальнее всего, что в этом деле все родня: и Намма с Хокумой, и Ёкодзима, и Кэйран принадлежат к Коноплянному дому Асано, хотя, конечно, служат в Приказе люди и из других домов. Что Намма стал бы делать, если бы Ёкодзима оказал сопротивление, — и думать не хочется. Но обошлось, делопроизводитель сдал оружие и сдался сам. Даже будто бы оценил прозорливость младшего советника: ловко, мол, тот расчислил, на каком именно постоялом дворе Восточной дороги бедняга будет коротать часы в обществе веселых девок, ожидая сменного коня и припасов на дорогу. А Намма в этом случае не вычислял, сунулся наугад.

Впрочем, вины своей Ёкодзима не признал. И теперь всю дорогу изводит спутников совершенно неуместным балагурством. И, что хуже всего, потерянной грамоты не обнаружилось ни при нём, ни на постоялом дворе при самом тщательном обыске.

Стража у городских ворот беспрепятственно пропустила всадников.

— Как всё же приятно вернуться в родные края даже после недолгой разлуки! — восклицает Ёкодзима. — Ибо сказано: лучше быть казнённым на родине, нежели обласканным на чужбине...

Даже если предположить, что он собирался бежать за море, — для этого надо было бы ехать не по Восточной дороге. Ну, разве чтобы сбить со следа. Но Намма ничего такого не сказал.

2. Кику-Златоцвет, божья дева из святилища на Литейной горе

Учитель никогда ничего не объясняет. Умеет, но не любит. Вот вчера утром вышел со двора — и до сих пор его нет. Ладно: обошла всю Гору, и пусть старухи ворчат, как хотят. Я посвящённая, я давно знаю, куда мне можно, а куда нельзя. Ни там, ни там учителя нету. У внешних ворот говорят: изволил выйти, когда вернётся, не сказал. Привратникам он докладываться, конечно, и не должен.

Если бы бродил по округе, вернулся бы засветло. В дальний путь пешком такие особы не ходят. Значит, Столица.

Писем перед тем не было. Птиц с вестями, вроде, тоже. До ближайшего праздника полмесяца, и праздник-то не такой, не стихотворческий. Если господин средний жрец отправился за стихами, то почему именно сейчас?

Трудный праздник приближается. Заранее не угадаешь, кто пожалует в гости и что придётся вещать. Старшие девы страшат: вот, займёт тебя какой-нибудь смутьян, наговорит беззаконного, а тебя потом и

сплавят куда-нибудь в Серповую, на край света...

Ну, лет сорок назад такое бывало, но с тех пор — нет. Тогдашний гость был воин, а сейчас времена вроде мирные.

Одна старуха говорит: мирные ещё хуже. Тот, давний, хоть с оружием бунтовал, а нынешний, кого опасаться стоит, — охальник и срамослов, после его речей недолго и сана лишиться.

Я учителя спросила. Он: этого можешь не бояться. Почему — как всегда, молчит. Но я, впрочем, и не боюсь. Меня так просто не займёшь.

— Большим — нельзя! Тесно!

Это моя напарница, Грузилка. Очень строгая и осторожная. Мы с нею вместе уже года два. И хорошо ладим, не то что некоторые. Она маленькая — и понимает, что мала, не строит из себя важного воеводу или мудрого сановника. Оно и незачем: воинского гарканья наши прихожане и в миру наслушались, а когда вещает такой тоненький, пронзительный голосок — понимает! Вот у одной нашей девы напарник — старый вояка, так после его речей по три дня горло болит, так он грубо ревёт. И пить ей приходится столько, чтоб голос поддержать... Долго этак не протянешь.

Учитель, к счастью, сам мало пьёт и меня не неволит. Настоящим одержимым брага не обязательна. У нас сама природа такая.

— Нельзя! Упадёшь!

Я знаю, потому и не пью. А Грузилка, хоть и тяжёлая, но когда танцуешь — схватится крепко и сидит, ни разу мы с ней не упали нечаянно. Только когда надо и как надо: плавно и красиво, как осенний лист.

Она, когда ходила сама, ещё не очень умела не падать. Тем более — когда танцевала. А танцевать ей нравится. Тут мне тоже повезло.

— Не бойся. Плохих не пустим, — успокаивает она.

Когда мы с напарницей только сошлись, она еле-еле говорила: «Аа?» да «Уу!» Я даже не знала тогда, как мы управимся. Ничего, научились. А что Грузилка

кратко вещает, так то и к лучшему: иногда такие витии попадают...

— Вещая. Лучшая, — соглашается она.

Тут мы тоже похожи.

Иная дева знатного рода попадёт на Литейную — годами живёт и всё никак не привыкнет. Ни к прихожанам, ни к гостям, ни к начальству. Где служанки, где няньки, почему подворье открытое такое? Выглянешь утром с крыльца и не знаешь, кого увидишь. Может, целый конный дозор, десяток небритых ребят только что с Востока. Ах, пахнет, ах, лошадьми да железом, не благовониями! Мне проще, я-то не из дворца, а с постоянного двора. Или наоборот: ах, где же тут чувства, где придворные любезники, и когда уже наконец влюбится кто-нибудь и похитит... Какой дурой надо быть, чтобы ухажёру, уж кто бы он ни был, желать ссоры с Литейщиком?

Откуда родом Грузилка, я не знаю, но тоже явно не из богатых палат.

— Тут живу. Тут — дома! — уточняет она.

И правильно.

Учебный помост с утра занят. Учителев дядя, старец Каги-старший, занимается со своими, и это надолго. Он въедливый: «Помним о слаженности, девы!». Хорошо, мне не надо плясать в четвёрке. А я, раз без учителя сегодня, сама пойду заниматься. Только не на дворе: песок потом из волос не вычешешь. Лучше на травке в божьей роще. Или — нет! На камнях в ручье.

Чистой водою поток изливается с камня на камень,
Божьею правдой течёт с белой Литейной горы!

Прошёл мимо главный старец, поглядел. Покивал, но, кажется, даже не узнал. Тысячи, мол, вас таких, стрел божьего колчана, одни тратятся, другие куются, оперяются и снова тратятся... Ну и не надо.

Весь день бы тут танцевала или просто в тени валялась и сочиняла. Но — нельзя, учителя пропущу.

Да и штанины мокрые до самых колен. И не потому, что я низко прыгаю, а просто белая вода скачет ещё выше. Значит, возвращаемся к жилому подворью, там уже обед. Нет, никому я с кухни ничего не захвачу. Могли бы уже выучить: я тут — не прислуга. Нет, окликают почём зря...

Учитель мне сразу, в первый день сказал: старшие девушки, птицы и хозяйственные службы — не твоя забота. Не пререкайся, просто пропускай мимо ушей, если к тебе с чем-то из этого цепляются. И главное, сама не напрашивайся с услугами. Легко запомнить, исполнять и того легче. Мне, знаете, беготня с посудой в родном доме успела надоесть.

Как он тогда, едва взглянув, наотрез заявил бабушке: способное дитя, забираю. Не бойтесь, никакой порчи — божье чудо как оно есть. И забрал, и настоял, чтобы меня взяли на Гору. Ему родовитых учениц не надо, а надо даровитых, это все говорят.

Старухи на своём крыльце уже приняли божьей браги, развеселились, приглашают с ними играть в листочки. Ну их, не хочу. Переодену штаны, мокрые повешу сушиться. Возьму себе поесть и пойду в свой закуток. Грузилка не любит, когда смотрят те, кто видит. На долю учителя брать не буду: вовремя надо приходить, старец Каги-младший, ежели хочешь свежей каши. А холодную с коркой ты всё равно кушать не изволишь, это уж проверено.

Пока учителя нет, нас с Грузилкой в святилище не позовут, хоть там очередь на два дня выстроится из прихожан. Не полагается. Частным порядком принимать, вон как соседка моя со своим хрипатым напарником, — это нам ещё рано. Да они там за переборкой, кажется, и не про божьи вести, а про какие-то столичные дела толкуют.

Иная бы спать легла. А мы пока снасти почистим. Стрелы, меч и погремешку.

— Чтоб чисто!

Любит Грузилка, когда точилом по железу: ж-жж!

Ж-жж! Грубым шёлком по жёлтой меди — тоже хорошо.

Когда лезвие чистое перед собою держишь чуть наискось, в нём даже можно, рядом со своим лицом, увидеть лицо напарницы. Глазки узкие, брови сведены, нос и щёки в ряби. Волосы ещё короткие, зато дыбом, как духу и полагается.

И моргает одним глазом:

— Идёт! Идёт!

Хорошо, когда учитель застаёт тебя за делом.

Похоже, правда пешком шёл от самой Столицы и ещё не переоделся. Доволен или нет, не пойму. Глупых вопросов – «Всё в порядке?» — не задаёт, сам видит.

Достаёт из рукава тянучки, кладёт на мой обеденный поднос. Столичный гостинец. Напарница их любит, да и я тоже.

Он снова запускает руку в рукав.

— Дело есть, дева.

3. Барышня Намма, дочь младшего советника

— Значит, так. Правый рукав направо. Левый рукав налево. Полу вниз. Вторую тоже вниз. Воротник ровненько. Теперь что?

— Наверх!

— Правильно! И опять наверх. И пополам.

— По каким по полам?

— Вдвое, вот: половинку на половинку. Теперь берём — и в сундук. И расправляем. Следующее платье берём. Начали: право — направо...

—... лево налево!

Есть такие дела, их трудно делать одной. Это я не про платья, а про то, когда учишь уму-разуму. Себя саму — как-то глупо. Братца бесполезно, он дурак. Но теперь у меня есть девочка, своя. Дедушка прислал с юга.

Она дикарка была, а теперь уже не совсем. И всё — я! И немножко кормилица. Одна бы я не управилась, я южного наречия не знала. Кормилица раньше на юге жила и кое-что вспомнила. А девочка Рю по-нашему

сперва совсем не умела.

— Вот! И убираем в сундук.

— Ах!

— Не ах! Ах — это когда что-то неожиданное. Не ждала, а оно — вот. Скажем, цветы расцвели, гуси пролетели.

— Цветы... гуси... Не ждала? А чего, они же всегда... Каждый раз! Весна — цветы, осень — гуси!

Вообще-то правда.

— Всё равно ахать надо. А когда сама что-то сделала и получилось — это не ах, это уф-ф!

Названия Рю почти все уже запомнила. Которые не очень сложные. И действия. А вот как восклицать надо — всё время путает, хотя любит.

— А делала и не вышло — это тьфу!

— Тьфу не надо. Это ох!

— А бычатник сказал тьфу.

— А ты не бычатник.

— А, понятно. Мужское слово. Тогда ох.

Бычатник — это наш возчик Урасака. Такого слова «бычатник», конечно, тоже нет. Он возчик. Но когда он не возит, а просто за быком в стойле ходит, — пусть уж так. А то Рю начнёт путать «возить» и «возиться»...

В этот раз батюшка уехал вообще не в возке, а верхом, на казённой лошади. То есть ненадолго. Но всё равно без него грустно. Тем более — матушка у нас теперь тоже не живёт. Когда последний раз они поругались, решила жить у господина Гээна. А у нас только в гостях бывать. Одно хорошо: братца с собою взяла. Пока батюшки нет. Господин Гээн — из Обезьяньего дома, они умеют страшно орать. Если он братца обучит — что я буду делать?

Зато сейчас я в доме самая старшая. И когда слушаюсь кормилицу, то это потому что внимаю мудрым советам. Мудрым советам даже сам Государь внимает. Иногда.

Обидно: зачем в этот раз батюшка уехал, он толком не сказал. Обычно я знаю: где воры, где

растратчики, где заговорщики. А тут непонятно. Или нельзя говорить никому. Ну, кое-что я слышала: чего-то пропало в Приказе. Только что? И почему искать нужно ехать верхом? И без вещей?

Рю указывает пальцем на сундук с платьем:

— Много! Зимой совсем холодно, да? Всё одеть — и греться!

Зимы она у нас ещё не видела. Всего полгода в Столице. Я ей уж обещала снег — а вдруг снега не будет?

— Давай учиться — что сейчас зима!

Вообще только всё сложили... Но обычно её не заставишь надеть больше одного-двух платьев. Можно улучить миг, это очень важно бывает!

— Ну, давай!

Нижнее нижнее — раз. Поясок. Верхнее нижнее — два. Завязочки. Штаны натягиваем, завязываем. Нижнее верхнее платье — три. Завязочки направо, завязочки налево. Пояс. Среднее верхнее. И вот теперь — самое верхнее, ватное.

— А уши?

— Чтобы уши спрятать, делаем вот так: вылезает из рукавов, а воротник поднимаем на голову.

Она закрылась воротником, спряталась там и пыхтит:

— Как устрица!

Я живых устриц не видела, но говорить об этом не буду. Но они в раковинах довольно гладкие. А Рю как вылезла — опять все волосы в разные стороны. И воротник весь в мази, которой волосы распрямляют. Надо будет это ватное платье потом в самый низ положить.

А Рю довольна. Крутится и кричит:

— Ух! Ух! Мороз!

И, конечно, наступила на подол и упала.

— Вставай!

— Ох? Ох! Зимой ходить хитро!

Обратно всё складывать по порядку уже некогда.

Главное — я показала, как надо, Рю вроде запомнила.

Она вообще способная. Когда её привезли, батюшка воздевал руки: зачем? Все его уговаривали. И матушка — что у нас слуг мало. И кормилица — чтоб все сразу видели, какая у дедушки должность: заместитель наместника Жемчужной земли. И я — потому что живая же дикарка! И даже братец, потому что тогда мы с Рю его ещё не трогали. Хорошо, что уговорили. А теперь батюшка уже привык. Даже быстрее, чем Рю.

А я раньше не знала, что на дикарей нельзя составить предсказание по звёздам. Потому что даже кормилица не разобралась, когда Рю родилась. Решили считать, что она ровно на два года меня моложе. Но для предсказания это всё равно не годится.

Зато сама Рю умеет гадать по следам. Как сыщик и иногда даже лучше. Потому что ещё и запахи чует. Чутче, чем даже батюшка. И чем я...

— Наверх? — спрашивает.

Усердная ученица заслуживает поощрения.

— Давай!

Открываем дверь тихонько. Не обуваемся, как будто мы внутри сидим, как нам велено. Обходим дом по круговому крыльцу. С той стороны тоже дверь, заклиненная. Вот по ней и полезем, по перекладинам. Только чтоб бумагу не рвать! И под крышу пролезаем между балками.

Тут темно и пахнет всем сразу: досками, пылью, старым хламом, верёвками, но больше всего — самой крышей. Она толстая, из тростника, внутри теплая, потом в середине сырая от дождя, а снаружи опять сухая. Пробираемся к окошку. Будем смотреть через забор.

Наша усадьба на Шестой улице, ворота на юг. Видна соседская крыша напротив, сада тамошнего не разглядеть. И дальше всё деревья да крыши, а совсем далеко — две храмовые башни там, где Южные ворота Столицы. А дальше уже ничего не видно, но можно воображать. Там широкая дорога, на ней всякие

неприличные заведения и даже воровские притоны. А по бокам холмы и ближе к восточным холмам — река. И потом святилища и храмы, что берегут Столицу, и селения, откуда зелень возят и рыбу. А если вдоль реки ехать, то скоро будет пристань и лодки на большой реке, там загородное имение нашего Конопляного дома. Если сесть в лодку и плыть вниз, то будет гавань Нанива и море. Я его никогда не видела, а вот Рю...

У них на юге всё ближе. Управа Жемчужной земли, где служит дедушка, позади неё горы, а перед управой — море и пристань. А на горах леса, в лесах звери, их Рю знает всех наперечёт, только не всех может назвать по-нашему. Медведи, лисы, и олени, и кабаны. А тигров нет. Даже жалко. Может так выйти, я вообще в жизни не увижу тигра. Разве что из страны То привезут Государю, а мы пойдём смотреть.

Вообще обидно: мой батюшка — младший советник с большим будущим, и сама я девушка образованная, и читать умею, и писать, и платья подбирать, и благовония. А получается, Рю больше меня видела. И нюхала.

Кормилица в прошлый раз сказала: насмотришься ещё! Выйдешь замуж, мужа назначат куда-нибудь на дальние окраины, сама соскучишься по Столице! Но это ещё когда будет, лет через пять... Кстати, вот господин из усадьбы напротив, когда уехал служить на восток, жену вообще тут оставил. И теперь о ней разное рассказывают.

Рю тоже опечалилась, вздыхает — как ухает.

— Чего ты?

— У нас сейчас поспел... поспела... не знаю, как по-облачному... Очень вкусно!

— Оно трава? Оно дерево? Куст?

— Оно этот... орех. С мясом вокруг.

— А едят-то что — мясо или косточку?

— Всё. А старушки ещё жуют листья. Для многолетия.

— Для долголетия. Многолетие — это танец такой.

Пляска.

Ого! Бурый бежит от главной площади, за ним пегий и ещё наши уличные собаки. Бурый с пустой пастью, значит, они от кого-то удирают. Ехал бы возок или носильщики бежали — псы бы их дождались и уже следом гнались и лаяли. Значит, верховые.

Да, слышно: копыта, трое или четверо коней. И звякает что-то.

— Набег? — насторожилась Рю.

Но уже видно: не набег, а совсем наоборот.

— Батюшка приехал!

— Светлые боги! Вы куда ж залезли? — кричит нам кормилица.

Ну, она сейчас ему устроит, что вперёд никого не выслал предупредить! Она же на самом деле не моя и не братцева, а ещё батюшкина кормилица.

4. Намма, младший советник Полотняного приказа

— Так что жалко, конечно: выходит, ты зря ездил, — говорит старуха.

Младший советник не отвечает: молча жуёт ужин и пытается понять, что происходит.

Прибыв в Столицу, он сразу поспешил в Приказ. Среднего Конопляного господина там уже не было, Намма сдал задержанного Ёкодзиму с рук на руки чередовым, велел, чтобы заперли. И не полюбопытствовал, сидит ли кто уже в приказном узилище, и если да — то кто именно. Простился с охраной, отправился домой составлять доклад на завтрашнее утро.

Жена, разумеется, не вернулась и сына тоже нет. Да Намма на них и не рассчитывал. Зато в остальном — привычный уют: возчик и кормилица суетятся, дочка со служанкой вопят, посреди комнаты — огромная гора мятого платья. Только-только сел ужинать — и на тебе, новости.

Оказывается, пока Намма ездил за Ёкодзимой,

произошло вот что.

Из столичной усадьбы Томи — ещё одного служилого родича дома Асано — прибежали люди посоветоваться с намминой кормилицей, как помочь ребятам из усадьбы Кэйрана. Там хозяйка больна, а хозяин взят под стражу. Как так, за что? А непонятно, известно только, что Кэйран во всём сознался. И так у них было неладно, а теперь и вовсе всё вверх дном... Как бы госпожа Кэйран не умерла с горя!

По части помощи челядинцы обустроили всё как надо, с госпожой теперь постоянно сидит кто-нибудь из надёжных людей. Вот как раз сегодня — жена намминого возчика Урасаки.

Младший советник Полотняного приказа предположил было, что Кэйран не выдержал текущего разбирательства, и пока сослуживцы не раскопали какого-то из его прошлых проступков, решил сознаться. И это было бы по-честному и пристойно. Но — нет, со слов кэйрановых слуг получается, что их господин взял на себя именно пропажу злосчастного списка святилищ. Что челядь младших родичей Конопляного дома посвящена в государственные тайны, уже в общем-то никого не удивляет. Но ведь есть доказательства, есть, в конце концов, изобличающее поведение Ёкодзимы... Или они с Кэйраном всё-таки сообщники? Один утащил грамоту из ларца, а другой спрятал?

Не сходится. Кабы грамоту нашли, это Намме в Приказе сказали бы первым делом.

— Не помнит он, бедолага, куда бумагу дел, — качает головою кормилица.

— То есть как не помнит? Это не называется — «признался», если он не сказал, для кого и для чего...

— Да он не собирался каяться-то. Его Литейщик обличил.

— Кто?

— Белый Литейщик, светлый бог. В святилище на Литейной горе.

Ещё не легче. В тот же день, когда Намма поехал за

Ёкодзимой, писарь Кэйран самовольно покинул Столицу, хотя до конца внутреннего расследования в Приказе должен был быть днём и ночью под рукой. Отправился на богомолье к юго-западу, к знаменитой святыне в дне пути от города. Молился там — как вдруг божья дева, жрица, пришла в исступление и вещала, указав на него: виновен! Тут Кэйран пал ниц, залился слезами, а потом вернулся в Столицу и взял на себя пропажу тайной грамоты. Только вот где она — будто бы не знает

Божьи девы теперь ведут расследования, обличают виновных. Значит ли это, что Полотняным чиновникам придётся плясать с колчанами и благословлять кузнецов? Последнее у младшего советника Наммы точно не получится.

— То ли он пьян был, то ли у него память с горя отшибло. Пока Литейщик ему не помянул, он и кражи в голове не держал. А тут как брал — вспомнил, а куда прятал — нет.

Если прятал вообще он. Но в любом случае — налицо смена показаний. Рассказывая о той ночи в Приказе, Кэйран ни о каких провалах в памяти слова не молвил. С другой стороны, тоже понятно: как о таком сказать непосредственному начальнику? Желающих занять место занедужившего много найдётся. Да и может ли тот, кто лишился памяти, знать об этом сам, пока ему не укажут? С самим Наммой такого не случилось, так что непонятно.

Или всё ещё проще. Внезапно за Ёкодзиму заступился кто-то очень влиятельный, и в Полотняном приказе решили всё переиграть. И назначили виноватого. Рассказ о божьем чуде может быть выдумкой. Мало кто отправится за двадцать вёрст проверять, что там третьего дня вещала жрица. Литейщик славится своими откровениями, их там, небось, каждый день по несколько десятков. А начнут докапываться — так любая из божьих дев, в свою очередь, скажет, что ничего не помнит. И оно понятно: они же в одержимости вещают.

Вот поэтому младший советник и не любит, когда в следствие вмешиваются чудесами, знаменами и вещаниями. Сразу всё становится куда двусмысленнее.

— Ой, то есть он прямо на службе был пьян? — раздаётся голосок из-за перегородки. — И никто не заметил?

Мало нам было литейщика — теперь ещё барышня Намма решила подключиться к расследованию. Впрочем, этого как раз скорее можно было ожидать.

— Во-первых, — поднимает бровь Намма, — подслушивать нехорошо. Во-вторых: нет, не был. Нельзя напиться до потери памяти ночью — и чтобы утром это было совсем не заметно. А в-третьих, вылезай уж.

Наверняка обиделась, что ей сегодня ужинать врозь с отцом.

Барышня Намма с готовностью присоединяется к трапезе. Младший советник по привычке протягивает дитяти кусочек лопушиного корня: вкусно! Ещё недавно дочка ухватила бы зубами, что ей дают, как маленькая. В нынешние свои лета могла бы, как воспитанная барышня, подставить чистую чашку, благо они на подносе есть. Но — берите выше! Девица Намма мигает своей дикарке, та хватает чашку, ловит лопух и кланяется:

— Бла-го-дарсте! — и передаёт юной госпоже.

Та жуёт и рассуждает:

— Белый Литейщик врать не может. Ну, в смысле, не станет. А божья дева при свидетелях вещала?

— А то как же! — говорит кормилица. — Там, чай, паломников-то всегда хватает.

— Тогда непонятно. Если правда забыл и вспомнил — то почему только половину?

Хороший вопрос, кивает младший советник. Если это забвение — Государево чудо, то оно, конечно, распространялось бы и на то, кому бумага была передана. Но тогда что же у нас выходит: воля Государя и воля Литейщика разошлись? Нет, уж этого он при

дитяти обсуждать не станет.

— Если господин дозволит молвить... — вступает кормилица.

Без девочки она таких оговорок не делает, но тут — нужно же вести себя почтительно к господину:

— Коли он ума решился, пусть на время — оно по-всякому может быть. Может, задремал на службе, ни про кого будь сказано — и пошёл снобродить! Сны-то вон — они всегда не целиком вспоминаются, а обрывочками.

— Не всегда, — возражает барышня. — Я вот или всё помню, что снилось, или уж ничего.

Внезапно служанка Рю начинает корчить дикие рожи. Показывает что-то на пальцах.

— Да скажи уж словами! — досадует барышня.

И спохватывается:

— Можно ей?

Намма кивает, но у дикарки, кажется, слова не очень складываются:

— Он ел? Пил? Что?

— Да сказал же уже батюшка — он не пьяный был!

— Не брага! Другое! Его жуют! Не знаю как по-облачному...

— Отрава?

— Отрава? — задумчиво повторяет Рю. Кажется, это для неё новое слово.

И пусть лучше она так и запомнит: южный дурман, от которого приходят в неистовство тамошние заклинатели, по-столичному называется «отрава»!

— Кстати, неплохая мысль, — задумчиво молвит младший советник.

Допустим, чиновник украл на службе важную грамоту. Имел, разумеется, какой-то замысел, куда он её понесёт и что с нею станет делать. Кому продаст, или с кем расплатится ею за какие-то услуги, или ещё что. Только по дороге его опоили, одурманили, да могли и просто по голове дать. И ограбили. И теперь он, конечно, не знает, где список.

Ежели так, то и к лучшему, что Кэйран сидит под замком. Те, кто заказал ему кражу, могут захотеть наказать его: за ротозейство или за обман, уж как они истолкуют его поступок. Если это, конечно, не они сами его оприходовали.

Тогда получается, что не Кэйран покрывает Ёкодзиму, а наоборот: они ж той ночью оба в Приказе были. А пятно — это делопроизводитель грязными руками проверял, всё ли цело или что именно пропало. Может, заметил, что ларец завязан как-то не так. Тогда всё, что прикидывал Намма, сплошная ошибка. Но всё равно хорошо, что Ёкодзима не сумел бежать: важнейший свидетель!

— Сложное дело? — спрашивает дочка, и сочувствие в её голосе звучит как-то подозрительно.

— Непростое.

— Раз Литейщик всё запутал — может, надо ему помолиться?

5. Барышня Намма, дочь младшего советника

Благочестивым людям везёт! Кормилица тоже сказала, что надо идти молиться. Батюшка подумал-подумал и отпустил нас с нею в паломничество на Литейную гору. Только не пешком, а на волах, ему самому возок сейчас всё равно не нужен. И Рю я взяла с собою. А батюшка сел писать свой отчёт. Мы бы ему всё равно мешали.

Ехать долго, целый день. Рю раньше толком и в возке-то не каталась, только немножко по городу. В дальнем пути главное — не глазеть из-за занавески на дорогу, а то вывалишься. Или голову напечёт и загорись. У кормилицы-то шляпа, почти как у важной дамы, с полями в целых два обхвата и с покрывалом. А у нас таких нет. На самом деле Рю загорать особенно и некуда, она и так темнее, чем Урасака. Но на юге в горах все такие, там-то от солнца вовсе никуда не спрячешься.

На дороге кого только нет! Пешеходы, верховые,

носильщики и погонщики, движутся в Столицу и из Столицы. Кто-то уже снял урожай и везёт в город разные припасы. Дынями пахнет, новым полотном и посудным лаком. Но больше, конечно, лошадьми и волами. Нашими тоже.

Раз нельзя подглядывать — мы стали петь. Дорожную песню — про то, что сейчас снаружи, за плетёной стенкой возка. Кормилица немножко подсказывала. Она-то, оказывается, этот путь хорошо знает, у неё на Литейной горе двоюродная племянница по мужу при святилище служит. Не жрицей, а по хозяйству. Но все жрецы без неё — как без рук.

— Совсем без рук? — охает Рю.

— Про жрецов так говорить нельзя! Они калеками просто не бывают.

— Даже вещи?

— Особенно вещи!

Кормилица объяснила, что на юге всё наоборот: слепые или хромые заклинатели — самые сильные. Чудно!

Рю даже петь перестала, задумалась. Как выяснилось — о священном. Тихонько бормочет:

— Я знаю!

— Чего ты знаешь?

— Эту штуку... бумагу... держал Сам? Руками?

Сам — то есть Государь, которого зря поминать не следует.

— Очень может быть!

Рю улыбается широко-широко:

— Вот! И теперь она лечит! Её затем и забрали! И съели!

Хорошенькое дело! У батюшки в Полотняном приказе, пожалуй, десять тыщ всяких грамот, и все Государевы. До сих пор их вроде никто не ел. И даже не смывал, чтобы тушь выпить, как с храмовых оберегов. Но если кто-то такое придумал и помогло — это что же теперь начнётся?!

Урасака, который волов ведёт в поводу, не

оборачиваясь, спрашивает:

— А печать-то там была? С печатью съесть никак не могли! Она защитная от любого вреда!

А мы и не знаем насчёт печати... даже кормилица. Так что она цыкает:

— Нечего об этом болтать — не дома! И в святилище помалкивайте. Наше дело слушать, что там говорят!

— Как поглядатые, — кивает Рю.

— Соглядатаи! — поправляю.

Пока волы днём отдыхали и пили, мы тоже перекусили. И дальше двинулись.

Ближе к Литейной горе и запахи другие. Дымом тянет. Там ведь правда и кузницы, и литейни для меди. Нас обогнал нарядный молодец с луком и стрелами. Может, он едет кого из святилища похищать? О таких безобразиях матушка много рассказывала. Дед нынешнего Обезьяньего господина, говорят, такое учинил, только в другом святилище. И попал в ссылку из-за любви.

Рю вслед всаднику выглянула, спрашивает:

— А на кого тут охотятся?

— Тут ни на кого! И ты не пробуй! Тут все звери уже — божьи!

— И особенно птицы, — говорит кормилица.

— Жалко, — вздыхает Рю.

Я её толкаю в бок и снова затягиваю дорожную песню. Пока не начали опять выяснять, куда месяц назад делась соседская кошка. На Рю тогда пало подозрение, но я заступилась. Да и тела не нашли. Кошку тоже можно понять: раз на неё силки ставят настоящие, ловчие, она, небось, решила переселиться куда подальше. В общем, я не докапывалась.

Я раньше думала, Литейная гора вся из меди и из серебра. А на самом деле на ней лес, и из леса выступают высокие-высокие ворота. Возок дальше не поедет, будем подниматься пешком. А Урасака нас подождёт у заезжего двора.

Пока мы выгружаемся, он кивает кормилице на чьи-то чужие возки:

— Осторожнее там. Вона кто на богомолье прибыл.

— Кто?

Урасака все столичные повозки и волов наперечет знает.

— Во-первых, старая Колокольная барыня. Во-вторых, из Подгорного дома кто-то. Занятно! Чего бы это их всех разобрало?

По голосу слышно: он-то подозревает, из-за чего. Только не скажет.

Как стали подниматься, гора оказалась даже выше, чем кажется. Остановились у ручья омыться, как положено — а тут не ручей, целая речка, быстрая, в белой пене. И очень холодная — приятно!

Дошли до внешних ворот — солнце ещё не садится. Быстро добрались. Помолились — кормилица сказала, как тут надо. Чтобы у батюшки непременно получилось найти и пропажу, и виноватых. Молились не вслух, чтоб державные тайны не выдавать, а Рю ещё и чтобы слов не перепутать. А то мало ли что!

Я думала, мы сразу пойдём туда, где Белый Литейщик вещает, но кормилица повела нас на какой-то боковой двор. Пахнет там уже даже не столько дымом, сколько брагой. Тут бочки жертвенные держат. Тысячу или две! И на каждой написано, от кого. Только я прочитать не могу, потому что надписи — мужскими знаками.

Кормилица пошла толковать со своей роднёй, а нас усадила в тени и велела тихо ждать. Хотя уже и не так жарко, вечер. Можно и погулять немного. Нам дали четыре груши, но их можно и на ходу есть.

— Там! — говорит Рю и головой показывает. — Птицы!

Если зайти за загородку, которая вся из бочек, там стоит обычный забор. А за ним — следующий двор. И на том дворе, кажется, правда божья голубятня. Птиц отсюда уже слышно: крыльями шуршат и воркуют.

Наверно, в святилище голуби устраиваются спать позже, чем в городе.

Слышно, но не видно: забор мешает.

— Давай глядеть? — спрашивает Рю. — Мы со-гля-да-таи!

Помогла мне забраться на забор и сама влезла. Тихонько, никто даже не заметил.

А там — домики, домики, домики, громоздятся друг на дружку. Все решетчатые и во всех голуби. И кадки с водой стоят: им, наверно, из реки холодное пить нельзя. Кое-кто и по земле ходит: белые голуби, рыжие и чёрные, и разных ещё диковинных мастей. Чуть подальше вышка, там человек сидит, но на нас не глядит: всматривается в небо, наверно, ждёт, кто прилетит.

Вот кто-то во дворе — нам не видный — свистнул громко. Стая, что по земле гуляла, вся разом встrepенулась — да как взлетит! Даже ветром дунуло. Поднялась, закружилась в небе. На свету они — медные, золотые или цветом как каленое железо.

— Ух ты ж, аварэ! — совершенно к месту восторгается Рю. Только очень громко.

— Вы что там делаете? — спрашивает голос сзади и снизу.

Ой. Это жрица. И если от неё спрыгнуть на голубиный двор, то потом непонятно, как обратно. Так что я учтиво и честно отвечаю:

— Любуемся.

— А кричать-то зачем? — укоряет она. Но не очень сердито.

На ней густо-красные штаны и белая рубаха без верхнего платья. Волосы длинные, такие гладкие, что в них солнце отражается, и кажется, даже видно, как птицы в небе мелькают. А за поясом меч в парчовых ножнах. Она не совсем взрослая, года на два-три старше меня.

— Нас не надо резать, — говорит Рю убедительно. — Мы не портим!

— И не говори так! — фыркает жрица. — Только резни тут не хватало!

Это я Рю не предупредила: в святилище ведь кровь и всякую прочую скверну даже поминать нельзя! Ну, пока обошлось.

— Слезайте! — говорит.

Рю спрыгнула, подставила мне руки, я тоже слезла довольно прилично. Поклонилась:

— Дозволено ли будет узнать— кто ты?

— Божья дева, — повела та плечом. Мол, могли бы сами догадаться. — А вы-то кто? Паломницы?

Кажется, Рю ей даже любопытнее, чем я. Может, она хоть и жрица, а дикарей раньше не видала?

— Да, — говорю. — Пришли поклониться Белому Литейщику.

Божья дева вдруг немного повернула голову, будто прислушивается к кому-то из-за плеча. Хотя там никого нет. И вдруг спрашивает:

— А это у вас что? Груши?

— Груши, — отвечаю. Мол, могла бы и сама догадаться. — Хочешь?

— Пойдёмте! — говорит она.

Кормилица, конечно, рассердится. Но можно ли послушаться божью жрицу?

6. Кикю-Златоцвет, божья дева из святилища на Литейной горе

Не то чтоб я настолько любила груши. Но Грузилка говорит: хочу! Она, когда я что-то вкусное ем, всё чувствует.

Так что отвела я этих паломниц к себе. Раз они про утварь спрашивают. Что за меч, почему златоцветы на ножнах и на щитке. Все эти рудные цветы посвящены Литейщику: киноварник, медянка, златоцвет. А вот настоящий божий цветок: не с дерева, не с травы, а горный самородок с сотней лепестков. Очень редкий. Он не для танцев, просто учитель сказал: пусть хранится у тебя.

Слушают хорошо, открыв рты. Младшая даже веером не прикрывается.

Занятные девочки. Говорят, из Столицы. Старшая — чиновничья дочка, младшая при ней состоит. Может, сестрёнка внебрачная от какой-нибудь служанки, дикарки-пленницы. Смуглая, курчавая, на старшую с лица совсем не похожа. И глаза, как у щенка: круглые, выпуклые. Платья явно донашивает за старшей, линиялые, но барского пошива. То есть родных младших сестёр у барышни нет.

Барышня немножко важничает. Щёки пухлые, как у груши, только по ним белила размазаны. Причёска веером: будешь тут растрёпой, если лазаешь по заборам! Может, и к лучшему, что я их сняла, а не голубятники.

— Птицы... — спрашивает меньшая. — Гадать? Они гадят, вы гадаете?

— Нет, не так. Они вести приносят. Со всех концов Облачной страны. И от самого Литейщика.

— Ух!

— А у вас в святилище вообще гадают? — как-то осторожно спрашивает старшая.

— Вот смотри. Гадание — это чтобы узнать, что будет. А к нам приходят за божьей правдой. За тем, что уже есть, только неизвестно или непонятно.

Кивает, обдумывает, что дальше спросить. Но тут встречается вторая:

— Как сыщик?

Ого, как барышня на неё глазами сверкнула!

— Разве ж можно сравнивать?

— Сыщики — они только злодеев ищут. А у нас можно обо всём почти вещание получить. Например, кто-то потерял родичей, друзей, не знает, живы ли они и что с ними сейчас. Или где дурное, мятежное замышляют. Или просто кто-то кого-то обманул, тот чувствует — а доказать не может. Или мастера отливают колокол, и со сплавом у них не ладится, всё трескается — приходят узнать, что они не так делают. Такое разве

сыщик сможет сказать?

— Насчёт сплава — это нет, конечно, — вздыхает старшая. — А злодеев вы совсем не ищите?

— А что, вас кто-то обидел?

Присматриваюсь. Грузилка мне на ухо пыхтит:

— Да. Обидели! Украла! Её вот!

Это, похоже, о младшей. Как понять — украла, если вот она здесь? Хотя... это ещё смотря с кем прибыли паломницы-то...

Но, наверное, если бы кто-то похитил двух девиц, и даже привёл бы сюда — то не оставил бы без присмотра по стенам лазать?

А сама курчавая вся нахмурилась, сморщилась, зажмурилась и словно принохивается.

— Чует! — довольно говорит Грузилка.

Ещё не хватало: ладно бы к нам привезли в обучение дочку младшего советника. Но — дикарку? Такого ещё не бывало. И ежели это верно, то сдаётся мне, я знаю, к кому определяют такую ученицу. Старец Каги-младший славится как наставник...

— Вас сколько? — спрашивает дикарка, открыв глаза.

Ну, точно.

— Как вас! — отвечает Грузилка. Правда, та её, кажется, не слышит.

Отвечаю уклончиво:

— Полон стрелами божий колчан...

— Насчёт обиды, — говорит старшая девчонка, — мы сами пока не поняли. Пробуем разобраться, только не знаем, как спросить. А ты тут в святилище что делаешь? Танцуешь с мечом?

— И с мечом, и со стрелой.

— А плясуньи и вещуньи — кто у вас главнее?

— Да это одна и та же служба.

— То есть ты тоже вещаешь?

Младшая ворчит:

— Угу. Видно ж.

Я киваю. На самом деле вещают боги, но миряне

всегда так выражаются: жрица возвестила то-то и сё-то...

Грузилка ворочается. Каждый раз так, когда про неё скажут: «бог». Или просто подумают. На «духа» уже так не отзывается. Но — не спорит, потому что правда.

— А как... — начала барышня, но осеклась. Сообразила, что о таком нельзя спрашивать. Хотя я сама, когда меня только везли в святилище, тоже гадала: а как? Как бог вещуний выбирает? Но этих-то девочек ещё даже в ученицы не взяли, так что я, конечно, промолчу.

— А как узнать, — договаривает-таки барышня, — когда кто-то из дев просто так говорит, а когда — вещает?

Аварэ, вот так вопрос!

Ну, правда. У нас дома тоже бывало: зачем в святилище идти, когда можно просто встать у дороги, заткнуть уши, потом открыть — и что первое услышишь, то и будет божье слово.

Самой, я думаю, почуять легко. Хотя здешние девы по-разному рассказывают. Кого-то будто бы изнутри распирает, на кого-то жар накатывает, как от плавильной печи. Многие в забытьё впадают. А я просто слышу, что Грузилка хочет сказать: не мне, а всем. И говорю.

Да прямо уж — просто? Волосы сами собой взлетают, в святилищном зале — как на ветру. И платье, и штаны сами складками закручиваются, как в танце. Всё это можно научиться показывать, и я уже умею, но гораздо лучше получается, когда — по-настоящему, не моей волей, а само. Как в прошлый раз, когда Грузилка разгневалась и стала обличать. Я говорю — и вижу, как все под этим божьим словом трепещут. И прихожане, и даже наши девы и старцы. Виновен! — кричу, — Не ври, виноват! И тот чиновник лицо рукавом закрывает, медленно оседает на колени. Признал.

И ещё я видела тогда: будто позади всех, за спинами у людей стена затягивается занавесом,

прозрачным, так что дерево и лак сквозь него видно, но видно и то, что на нём. Ночь, огонь, и взрослый человек на руках несёт дитя. Несёт и шатается, а пламя пляшет.

Вот вспоминаю сейчас, а Грузилка делается вдвое тяжелее у меня за плечами. Ладно, не буду продолжать.

— Увидишь — не спутаешь, — отвечаю наконец.

Девочка разочарованно вздыхает. Но, кажется, за это время у неё ещё вопросов накопилось.

— А вам писать много приходится?

Это она бумагу и тушь углядела.

— Да не очень. Это вообще-то даже не обязательно. Если песню записать или вроде того. А так я даже больше не пишу, а рисую.

— А можно посмотреть?

Иногда Грузилка возражает, но сейчас помалкивает. Пусть смотрят. Рисую-то я хорошо!

Достала листки, развернула, показываю. Старшая смотрит внимательно, шевелит губами, будто подбирает, какую любезность сказать. А курчавая младшая даже руками всплеснула:

— Гляди! Гляди! Пёс! Конь! Заяц! А это, это... как по-облачному?

— Выдра.

— У нас тоже! Тоже такие живут! Дома!

Нет, не похоже, чтобы росла в Столице, при барском доме. Слов ей явно не хватает. Но очень довольна. И показывает осторожно — прямо в бумагу пальцем не тыкает.

— Бедная, — пригорюнивается Грузилка.

Что бедная — вроде же рада?

— Дома. У неё дома звери. Одни. А она тут. Жалко.

Сама она большую часть этих зверей только у меня на картинках и видела. Но ей нравится, я и рисую, и рассказываю.

— А дома, — спрашиваю, — это где?

Курчавая произносит что-то такое, что я бы не с ходу и выговорила, а старшая поясняет:

— На юге, за проливом. В Жемчужной земле.

— Жемчужной?! — Грузилка, кажется. так и представила: земля гладкая, зернистая и блестящая, как жемчуг. И по ней звери ходят. — Давай! Давай дружить! С ними!

Очень хочет. Меня даже в дрожь кинуло. Не ко времени.

Барышня вдруг ойкает. И тут же делает скромный вид и кланяется. А я и не слышала, как учитель вошёл.

— У тебя гости? — спрашивает он неласково.

— Они тут одни бродили, — говорю. — Могли заблудиться, на Горе впервые.

— Уже. Вся поварня бегают и их ищет.

— Благодарю! — снова кланяется барышня. — Тогда, увы, нам, наверно, пора...

— О да, — только и молвит старец Каги-младший.

Девочки далеко не успели убежать, как он продолжает:

— Надеюсь, ты понимаешь: если тебя покусает дикарка, отвечать за кровавую скверну будет не она и не её родня, а ты, дева. И я.

— Не кусачая! — возмущается Грузилка. — Хорошая! Краденая!

Вот в чём у этой растрёпанной барышни есть преимущество даже передо мной: она не краснеет.

Но ведь учитель и сам видит: кучерявая девочка — человек, а не дикий зверь, с чего бы ей кусаться?

Хотела бы я знать: что на самом-то деле оказалось не так?

Но он объяснять не будет. Так что кланяюсь и обещаю впредь быть внимательнее. Это, между прочим, чистая правда.

7. Намма, младший советник Полотняного приказа

Если рассуждать, кому на пользу случившееся безобразие, то — увы, сторонний наблюдатель заключил бы: чиновникам Полотняного приказа.

Младший советник, конечно, не стал бы утверждать такое. Едва ли грамоту выкрали и выбросили — или припрятали — именно затем, чтобы сместить с должностей тех, кто за неё отвечал. Но оглянись вокруг — все товарищи по службе встrepенулись, почти обрадовались. Обсуждают, уволят ли теперь только Кэйрана, или Кэйрана вместе с Ёкодзимой, что вероятнее, или также их ближайшее начальство за недосмотр. И кому после этого достанутся их должности. А до Нового года ещё далеко, и ожидать можно разного: или новых назначенцев так и оставят на должностях и сообразно поднимут им чины, или же людей назначат пока временно, а потом заменят кем-то другим. Хуже всего, если со стороны, переведут из другого ведомства. Лучше всего — если бы продвинули по порядку приказных младших. Но тогда на их место предстоит набрать выпускников Училища, а из нашей приказной родни в этом году никто не выпускается, значит, всё равно посторонняя молодёжь. Но это не так страшно, как посторонний делопроизводитель, а то и младший советник... Другие возражают: наоборот, ибо юноша-то придёт не сиротою, а сыном либо внуком старшего советника, ежели не кого ещё выше...

Быть может, Намма во все эти пересуды вовлётся бы, если бы его младший родич и друг Хокума был сейчас в Столице. Но заочно хлопотать за него младший советник не станет. Слишком хорошо представляет, что ответил бы Хокума, если бы прямо сегодня каким-то чудом можно было послать ему письмо и получить ответ. Родич! — взмолился бы Хокума, — погоди, посмотрим ещё, как я завалю своё нынешнее дело, не пришлось бы кого на моё место подыскивать, и отнюдь не по случаю моего повышения... И добавил бы: тем более что и с этими двоими растяпами не всё ясно.

Что правда, то правда. Кэйран так и не вспомнил, куда дел похищенный список, да и в том, как он его выкрал, сбивается. Ёкодзима приободрился — но своего побега тоже внятно не обосновал; и это он ещё не знает,

кажется, о рыбном пятне. Господин Асано-средний допросил их — и распорядился обоим от дел отрешить, запереть и присматривать за ними со всей бдительностью. Признание, да ещё подкреплённое божьим вещанием, конечно, весомее побега. Но решать судьбу писаря и письмоводителя будут позже — сейчас главное если не найти, то восстановить утраченный список! На это и брошены оказались все силы Приказа к возвращению Наммы.

Беда в том, что мало кто саму эту грамоту читал и до, и после Государевой правки. Черновик, конечно, сохранился, а вот киноварные пометы стали вспоминать в узком кругу осведомленных, к каковым Намма, к счастью, не относился. Почтительно обратились за помощью к старшему в Коноплянном доме, главе Обрядовой палаты — он-то с Государевыми пометами успел ознакомиться, а память его безупречна даже в преклонные годы. Но господин Асано-старший молвил: «На меня одного не полагайтесь. Взгляд мой туманится непрошенной слезою: жаль мне те святилища, коим Государь изволил отказать в дарах!» Но сам же подсказал, к кому ещё стоит обратиться.

Во-первых, к приказному писарю Ваки. Он человек опытный, хотя и в низком чине; при этом Ваки родом не из Столицы и проявлял особую любознательность: не исключено ли из списка какое-нибудь святилище в его родных краях? Всех тогда утомил своей настойчивостью — а выходит, не зря!

Во-вторых, обратились к той дворцовой даме, что прислуживала Властителю Земель в час, когда тот изволил править список. Читать истинные знаки она, конечно, не умеет — но могла хотя бы примерно запомнить, где на свитке располагались киноварные точки. Наблюдательность её господин Асано-старший уже имел повод заметить — хотя и не уточнил, при каких обстоятельствах. «Если она попытается припомнить внешний вид свитка, как вспоминала бы узор на платье, — может, это и пригодится».

Всё это заняло какое-то время: у дамы своё расписание и обязанности, главу Обрядовой палаты торопить никак нельзя. Но на третий день удалось сравнить все три свидетельства: полный список с пометами — от господина Асано, список исключённых святилищ — от Ваки, и наконец, подобие чертежа работы дамы. И редко когда младший советник Намма видел такое ликование на лице своего начальника, как в час, когда все эти данные сошлись! Да и сам господин Асано-средний тут же вспомнил: так оно всё и было! Приказ немедленно приступил к изготовлению беловика.

Намме же в эти дни в основном приходилось заниматься текущей работой — включая дела тех, кто уж слишком вовлечён оказался в дело о списке. Особенно тщательно он проверил бумаги Ёкодзимы: не кроется ли там причина его побега? Увы, ничего подозрительного: всё в полном порядке, если так можно сказать про дело о казнокрадстве.

Вообще Ёкодзима — хороший сыщик. Хокума, к примеру, блестящий лицедей и способен войти в доверие к любому. Сам Намма, не стоит скрывать, отменно проводит обыски и неплох в допросах. А Ёкодзима лучше их обоих вместе взятых разбирается в денежных делах и в снабжении, считает сложнейшими способами, но в итоге учитывает всё и никогда не ошибается. Разбираясь в расчётах Ёкодзимы, младший советник с содроганием вспомнил училищные годы и задачу про воробьёв и ласточек: когда в исходных данных одни птицы, а в ответе выходят другие...

Порасспросив кое-кого из дальней Конопляной родни, Намма узнал: порой Ёкодзиму привлекали к хозяйственным расчётам самого дома Асано. Сидел, бывало, ночи напролёт... Поговаривают, что другие столичные семьи иногда тоже обращаются к Ёкодзиме, не боясь ни обмана, ни доноса, когда им надобно свести свой расход с приходом. Зачем приказный сыщик этим занимался? По всему получается: не из любви к

искусству счёта, а ради награды. Ибо тратил он много, существенно больше, чем позволяло его жалование. На что тратил? Оказалось, всё просто: на луки, стрелы и всяческие стрелковые снасти. Мастеров, которые всё это изготавливают, избаловали воины с востока, посещающие Столицу: они-то платят серебром и золотом, а не казёнными расписками. Стало быть, если хочешь побеждать на состязаниях, должен потратиться основательно.

Правда, пока Намма не докопался до каких-либо свидетельств насчёт того, чтобы Ёкодзима наделал заметных долгов или присмотрел себе какой-нибудь чудо-лук ценою в несколько его годовых жалований. Да если бы и так — остаётся вопрос, кому за большие деньги он бы мог продать именно эту грамоту. Дурно так говорить, но многие бумаги по тому же делу о казнокрадстве стоили бы гораздо дороже, если их предложить, допустим, семьям подозреваемых... Или права дикарка Рю, и покупателю было безразлично содержание свитка, главное — пометы Государевой кисти, пусть бы даже всего несколько точек.

С другой стороны: вдруг ту же киноварь, освящённую высочайшей рукой, какой-нибудь мошенник присоветовал Кэйрану как лекарство для его недужной супруги? О таком, конечно, писарь станет молчать до последнего. Собравшись с духом, Намма обошёл самых отъявленных столичных любителей потолковать о болезнях и снадобьях. Узнал много нового и порою ужасного, но — всё не то.

Зато об этих его расспросах слух немедленно дошёл до Обезьяньего дома. Бывшая жена Наммы, а ныне госпожа Гээн, искренне встревожилась и явилась в усадьбу на Шестой улице. А там — полное запустение: ни хозяина, ни дочки, ни старухи-кормилицы, ни возчика, ни волов, ни возка. Стала добиваться, что стряслось, жена Урасаки рассказала: господин на службе, кормилица с девочками на богомолье, возок взяли они же, когда вернутся, неизвестно. Госпожа

осталась дожидаться хоть кого-нибудь.

8. Хокума, делопроизводитель Полотняного приказа

Лень бывает разная. Иной чиновник, отправленный с поручением в дальние края, не торопится его выполнять, а потом кается: «Непростительно опоздал, виноват...» Иной вскачь прибудет на место назначения, впопыхах выполнит порученное и ещё быстрее понесётся в Столицу — отчитаться и отдохнуть. Иной разберётся со всем на месте в первые же дни, а потом месяц наслаждается дикой красою дальнего края, прежде чем соберётся назад. Но не таков младший советник Годзё. Вот прибыл он на восток с делопроизводителем Хокумой и охраной, дабы выяснить: куда делся с места службы на целых три месяца чиновник уездной управы Такой-то и что ещё исчезло вместе с ним из казённого добра? Расследование не затянулось, вскоре выяснилось: Такой-то никуда и не девался, пребывал в гостях у приятеля по соседству, не выходя из запоя долее чем на два-три дня, а державных средств не растратить при этом умудрился вовсе. За такое поведение, конечно, полагалось бы ему суровое взыскание, посты и не худшее. Составил бы господин Годзё доклад и благополучно повернул восвояси — если бы на том же затяжном застолье не обнаружилось ещё четверо служащих разных управ четырёх уездов из трёх земель. Их отсутствие в должности почему-то никого не встревожило. А уж тут и младший советник, и делопроизводитель задались вопросом: на какие шиши гостеприимный хозяин столько времени обеспечивал пятерым дармоедам и выпивку, и закуску? Имел ли он что со своей щедрости, и если да — то что именно? А то доложишь — а потом пошлют обратно проводить следствие. Только коней казённых даром гонять, не говоря уж о самих полотняных чиновниках.

Разобрались, выяснилось диковинное:

гостеприимец, похоже, с гостей никакой заметной корысти не получил. Или не успел получить. Он — особа самоназначенная: никем не утверждённый временный мирской распорядитель Серпового святилища. И вся выпитая за эти месяцы чиновниками брага вообще-то была пожертвована благочестивыми прихожанами святыне Белого Литейщика. И если присмотреться, брагою дело не ограничилось: едва ли не шесть из семи частей добротных даяний и высоких пожалований святилищу оседали в усадьбе временного распорядителя. И не то чтобы пускались в оборот, а проедались и пропивались на месте с немалым рвением и в хорошем обществе. К тому времени, как господин Годзё под свою ответственность решил расхитителя задержать, а краденное у бога — изъять, осталось для изъятия совсем немного — не более чем на один воз груза.

Всё это, конечно, несколько задержало приказных на восточном побережье. Но дело-то поважнее одного уездного прогульщика: если прогневаётся обездоленный бог — всей Облачной стране может не поздоровиться!

И вот уж осень настала, киноварники расцвели, когда младший советник Годзё, утомлённый до чрезвычайности, со своими людьми, задержанным негодяем и изъятым добром двинулись назад, в Столицу. Почти что вслед перелётным гусям.

Непосредственный надзор за задержанным был возложен на Хокуму. А поскольку родные края злодей знал куда лучше столичных чиновников, и сумей он бежать — искать его пришлось бы не менее чем до Новогодья, были приняты сугубые меры предосторожности.

Уже за первые два-три дня пути делопроизводитель укрепился в решимости: никогда не жениться. Одно дело родня, с кем вместе служишь, кого навещаешь по праздникам, и совсем другое — пребывать с кем-то постоянно в паре, наподобие

птичек-однокрылок, что летают только вдвоём. Быть может, благонравная супруга и не опостылела бы столь скоро, но, наблюдая в дороге собственное сердце, Хокума в этом уже усомнился...

Расхититель связан по рукам крепкой верёвкой, другой её конец обвязан у делопроизводителя вокруг пояса. А длина её — не больше размаха рук. Спать приходится рядком, в первые ночь — чуя похмельный дух, а потом — слушая стоны: трезвость задержанному с непривычки даётся нелегко. Обедать за одним подносом, да ещё кормить злодея из своих рук, как малое дитя; по нужде ходить — и то вместе! Особенно неудобно кланяться в такой связке. Мудрено соблюдать учтивый вид, скромно глядя в землю, когда гадаешь: натяжение ослабло — не потому ли, что негодяй придвинулся поближе и готовится сцепленными кулаками вдарить сзади тебе по затылку?

Верно сказал Просветлённый: вся жизнь есть страдание — и разлука с любимыми, и особенно — соединение с постылыми.

Но со временем и не к такому привыкаешь. К середине пути Хокума и задержанный уже именовали друг друга попросту: Начальником и Девятым. Не величать же его в самом деле Временно-и-дурно-исполнявшим-обязанности-распорядителя... По родовому прозванию — так незачем позорить всю его семью. Кстати, этот малый и в самом деле — девятый сын своих родителей. А до личного его имени делопроизводителю дела нет, Хокума же не жрец ему, не отец, не брат и не монах, призванный для отпевания. Ну, Девятый и Девятый.

И вот, до Столицы остаётся всего треть пути. Лунным вечером на заезжем дворе Хокума с Девятым пробуют уместиться в шатком решётчатом нужнике над ручейком. Младший советник Годзё давно спит, охрана улеглась на возу с уликами.

— Ты глянь, Начальник, что творят!

Мог бы уже усвоить: на подстрекательство

делопроизводитель не поддаётся.

— Что? — безучастно спрашивает Хокума, а сам передвигает узел поудобнее, чтобы верёвка не мешала рукоприкладству. Бude понадобится.

— Наладились куда-то на ночь глядя. Здешние-то. Похоже, клад искать, с лопатами и с дитятей.

Любопытно. Есть такое поверье: будто выкопать зачатое сокровище может всякий, а вот место найти — только тот, кто сердцем чист. Но если учесть наш приезд...

— Поклажи с ними много? — продолжает Хокума, уступив Девятому место у двери, а сам справляя то, за чем пришли.

— Два тюка. Тяжёлые, похоже.

Хотелось бы понять, что так срочно прячут местные жители от Полотняных чиновников.

— Убедил, — молвит делопроизводитель, завязывая штаны. — Идём, посмотрим.

Можно было бы препоручить задержанного охранникам, или их самих отправить за подозрительными личностями. Но пока добудишься, пока объяснишь, а то ещё и упрутся, потребуют распоряжения младшего советника, лентяи... За это время местные далеко уйдут, искать их придётся по следу, а следопытов в отряде нет. Лучше уж самому. Особенно если выяснится, что на самом деле никакого злого умысла у поселян нету...

9. Намма, младший советник Полотняного приказа

На беду себе, первым домой воротился Намма. Убедившись на первый взгляд, что бывший муж не болен, госпожа на него напустилась со всеми накопившимися чувствами вперемешку. И что он её совсем забыл. И что весь Полотняный приказ за нерадение того и гляди разгонят, и Намма останется с детьми без чашки риса. И что младший советник за дочкой присмотреть не в состоянии, а всё воспитание

доверяет полоумной старухе. И что госпожа говорила же, что от этой дикарки одна южная зараза. И так далее, и так далее... Когда выяснилось, что дочка здорова и в ней просто проснулось благочестие, это не успокоило госпожу. Были уже случаи, когда барышни из хороших семей то богов видеть начинали, то слушать монашеские чтения день и ночь напролёт. А подруга детства бабушки так даже сбежала из дому — тайный постриг принимать! И хорошо ещё, что Намма-младший сейчас не на Шестой улице, а то, чего доброго, и он бы ударился в подвижничество! И вообще, Намма вместо того, чтобы заботиться о будущем своего сына, занимается невесть чем!

Младший советник тоже в долгу не остался. И когда уже жена Урасаки от греха подальше отослала своего маленького сына в соседнюю усадьбу, вернулись благочестивые паломницы.

Госпожа немедленно обратила своё отчаяние на них. Но в самом начале, когда она ещё только отметила неподобающий вид дочки, пыльной и с голубиным помётом на плече, барышня Намма сама взяла слово. Во-первых, она решительно потребовала себе настоящую паломничью шляпу, как у кормилицы, потому что без этого действительно трудно сохранять пристойный вид. А во-вторых, попросила:

— Матушка! А давай в следующий раз вместе поедем на Литейную гору! Там здорово! И вид прекрасный, и вообще! И поскорее!

Отказать единственной дочери в таком скромном желании значило бы проявить ту же чёрствость, которая только что ставилась в укор бывшему мужу. Так что госпожа охотно согласилась, и все отправились ужинать.

Дочке паломничество, похоже, правда понравилось: рассказывала и за едою, и потом. И про голубей, и про божью деву с мечом в парчовых ножнах, и про то, как строгий жрец их выставил.

— А это кто ж именно? — любопытствовала

госпожа.

— Старец Каги его величают, — ответила кормилица. — Очень он нас выручил. Не то бы мы девиц наших всю ночь искали

— Который из Каги? Дядя или племянник?

— Вот уж не знаю. Лет старцу около тридцати, высокий, красивый собою, но суров! Наверное, всё же племянник.

Госпожа Гээн, ныне супруга чиновника Обрядовой палаты, ответственного за священные танцы, обвела пронизательным взором дочь, служанку, а заодно и бывшего мужа:

— Даже и не надейтесь!

— На что?

— Каги-младший, конечно, обошёл всю страну в поисках одарённых девиц. И жрицы у него в святилище и впрямь все как на подбор. Но он берётся учить только тех, кто правда способен к одержимости — невзирая ни на родство, ни на взятки.

Только не хватало нам надеяться на что-то подобное! Слава богам, при всём своём непростом нраве одержимости барышня никогда не являла. Будем надеяться, и впредь такого не случится.

— Но сам этот Каги, — продолжает госпожа, — далеко пойдёт. О нём и сейчас уже много говорят. И святилищу своему, и обязанностям он предан, и не скрывает: в других, даже в мирянах, он желал бы видеть подобную же преданность делу. И между прочим, с него причитается!

Намма спросил, кому и за что причитается. Госпожа с удовольствием поведала: однажды по случаю рождения юного господина Саруко в Обезьяньем доме устроили ночной пир, позвали чиновников разных палат, искусных стихотворцев. Задали трудный зачин: о служении державе. Ибо в хороших семьях будущность сыновей обустривают с самого начала, с первых дней жизни! А про такое материковыми стихами многое можно сказать, а вот песнями на Облачной речи — не

каждый сумеет. Подхватывали друг за другом, и вот, господин Гээн пропел:

Взлёт и паденье —
Всё божьими знаками
Мечено верно...

А Каги-младший откликнулся неожиданно:

...Требуем мы от богов
Большого, чем от людей.

Глава дома Обезьян был так тронут, что пожаловал ему платье со своего плеча. И в Литейном святилище это, конечно, оценили.

В общем, нежданно-негаданно получился вполне мирный семейный ужин. Когда госпожа отбыла, а девочек отправили спать, кормилица рассказала, что ей удалось узнать от свойственницы на Литейной.

Получается, божье вещание насчёт Кэйрана действительно было. Жрица в несомненной одержимости на глазах у многих свидетелей указала на него и крикнула, что он виновен и чтоб не смел этого скрывать. А Кэйран залился слезами и только повторял: да, виноват, да, виноват.

— А в чём виноват — бог не вещал? В краже, в халатности, в предательстве товарищей?

— Нет, — говорит кормилица, — в такие подробности Белый Литейщик не вдавался.

— А что за жрица?

— Божья дева, совсем молоденькая, откуда-то из Озёрного края. Я спросила, из какой она семьи — говорят, считай, вовсе безродная, из простых. Но вещает уже не первый год и неизменно верно. По крайней мере, все вещания потом подтверждались.

Если вещания все такие — неудивительно. Трудно найти человека, ни в чём не виновного. Правда, не всякий при этом находится под следствием...

— Только больше я племянницу расспросить толком не успела, молодой господин, она на другое перешла, и уж тут как начала, так поехало... Про родные её края. Она о своих, кто дома остался, вести часто получает, там же тоже Литейное святилище — возле Серповой гавани. Нашей Горе, конечно, не чета. Но на востоке большой вес могло бы иметь, кабы было на что его содержать и украшать. Там ратных-то людей полно. А молиться и благословений просить на себя, на коней да на оружие — всё равно ездят на Гору, хоть и не ближний путь. Вот Серповое святилище и захирело, дев обучать не на что, жрецам, старцам то бишь, жить нечем, служители разбегаются кто куда. Одна дева тамошняя, говорят, прямо-таки с голоду померла, хоть это, может, и неправда. Другая с воякой сбежала, позор! Она ведь тут, на Горе училась. Говорит, лучше замуж за грубого невежу, чем киснуть сидеть возле божьих ворот, когда они уже бурьяном заросли... А главное, начальство там вокруг мирское — вздорное, беспокойное, в законы носом тыкает, взятки вымогает...

— Странно. При всём, что я слышал о богатствах восточных земель, в святилище такая скудость...

— Так вот в том-то и дело. Чести мало. Ратникам этим надобно, чтоб не только помолиться, а к державному блеску примазаться. Молимся, мол, не как рвань разбойная, а почти как знатные господа! Вот кабы это Серповое святилище и столичные паломники посещали, и сам Властитель земель отличал, тогда бы... Или хоть песню бы про них какую сложили, чтоб у людей на устах была.

А вот это уже очень любопытно. Судя по пересудам в Приказе, Серповое святилище в пропавшем списке было, но Государь его отметил точкой — исключил. И на этом рухнули многие надежды: процвело бы святилище — росло бы и поселение рядом, и базар, тем более — там в этой Серповой гавань есть... Если же при дворе кто-то присоветовал Серповое святилище попридержать — может быть, как раз из опасений, не

процвело бы излишне какое-то поселение на востоке. Если далеко заглядывать — можно представить, как и разговоры о Восточной столице пойдут, и воины тамошние и воеводы о себе возомнят сверх меры.

Или наоборот: кто-то из радетелей за те края надавил тут, в Столице, чтобы святилище включили в список. По-хорошему или даже пригрозив — много у кого на востоке родня уже служит или может впредь получить туда назначение. Святилище в список включили, подали на утверждение Государю — а тот это Серповое и вычеркнул. И теперь те, кто о нём хлопотал, оказываются в очень неудобном положении перед своими суровыми восточными заказчиками. Могли ли они попытаться раздобыть черновик, чтобы хоть показать — вот, я сделал всё, что от меня зависело, а против Государевой воли бессилён?

В общем-то, не невозможно... Но тогда — где список сейчас? Почему не вернули грамоту? Или заказчик, как увидел этот черновик, так в гневе и разорвал его в клочья? Или цепь посредников тут длиннее и грамоту передают ещё из рук в руки?

Вообще, если на Литейной горе это Серповое святилище так жалеют — что ж сами не помогут от всех своих богатств, не присоветуют паломникам и жертвователям? Или это только поварихи там горюют, а жрецов всё устраивает — начиная с богатых восточных воинов, готовых проделать дальний путь? Тоже возможно.

И это — только одно из исключённых святилищ. Придётся вникнуть: а как обстоят дела во всех остальных?

10. Барышня Намма, дочь младшего советника

Матушку на что-нибудь подбить непросто, но уж если подбили... Только день дома передохнули, как, оказывается, уже снова можно ехать в святилище. Без кормилицы — с матушкой, с её нынешним мужем и с

прислугой тамошной Обезьяньей. И, ох! с братцем.

— А ох! или эх? — уточняет Рю.

— Всё-таки ох!

Братец всю дорогу то хвастался, чего есть в Обезьяньем доме диковинного, то предвкушал, как он в святилище встретит лучших стрелков, которые туда молиться приходят. Но скоро понял, что я-то там уже была и всё знаю, а он — только с чужих слов, и надулся молча. Вот и правильно!

Зато ехали быстро, прибыли к Горе ещё совсем рано. Все матушкины служанки охают, что бока оббили, а мы с матушкой их стыдим за нежности. Даже Рю в пример поставили — первый раз! Она возгордилась. Главное, знать, как правильно сидеть. Мы вот знаем!

Господин Гээн послушал-послушал, поднял обе брови: о том ли подобает говорить, явившись к белому Литейщику? Он же слушает, и ему всё это совсем нелюбопытно! Все устыдились и пошли святыни обходить.

И тут мы с Рю через час где-то опять потерялись. Немного нарочно. На самом деле первым потерялся братец, он нашёл-таки себе какого-то блестящего воина со стрелами веером и увязался следом. А мы пошли его искать, потому что он ещё маленький. Вдруг украдут, увезут на восток и воспитают там из него необразованного грубияна? Поискали-поискали, потом из-за угла увидели, что он уже нашёлся вроде, — и решили сходить опять к той деве.

А она танцует! Не со всеми, а одна. Я сперва подумала, что в одержимости, а потом поняла: наверно, нет. Хотя и гораздо быстрее, чем обычно пляшут. Но это просто танец такой. Рю понравилось тоже, она села на землю и начала в лад в ладоши хлопать. Златоцвет на нас покосилась, но словно и не заметила и дотанцевала до конца. А потом спрашивает:

— Вас же вроде увезли?

—О да! Но мы опять осмелились приехать, и родню привезли, — кланяюсь я.

Оказывается, она про господина Гээна слышала. И кажется, не очень хочет ему прямо сейчас на глаза попадаться. Даже немного испугалась: не смотрел ли он вместе с нами? Но мы сказали, что он сейчас занят: делает братцу выговор. То есть делает выговор матушка, а господин Гээн кивает, грозно хмурится и иногда строит рожи. Чтобы братец не очень боялся и не ревел.

Дева Златоцвет к чему-то прислушалась и говорит:

— Ну, тогда можно опять ко мне зайти! Кто бы что ни говорил. Раз уж вы нам прихожан возите и возите...

Нам того и надо. Сели снова у неё в закутке. Только Рю всё время ёрзает, молча рот открывает и закрывает, как карп, и на меня смотрит — можно?

— Ты чего? — шепчу. А она в полный голос спрашивает деву:

— Ты бог?

Я-то думала, она уже понимает разницу. Но тут... Дева усмехнулась было, ещё не начала объяснять — и вдруг в лице переменилась. Словно какой-то рябью пошла, волосы зашевелились, глаза под веки закатились — страшно!

И говорит не своим голосом, тоненьким:

— Так не говори. Говори — душа. Вещая!

Я думала, Рю тоже испугается, а она улыбается от уха до уха:

— Я знала! Просто слово не то.

А дева всё так же:

— Рассказывай! Про зверей.

— Эх... Ух... — и пошла говорить по-южному, с такими восклицаниями... Кажется, у них на каждого зверя свой возглас. А я не понимаю ни слова, даже когда она на полу пальцами показывает, какие у кого лапы.

Дева не глядя хватает листок, набирает ещё мокрую тушь, пишет, подаёт мне: «Не бойся, мы понимаем. Хорошо!». И потом зарисовывает быстро-быстро: медведь на дереве, выдра ныряет, птицы какие-то вроде цапель, но не совсем. И смеётся.

Я раньше настоящих одержимых не видела, только рассказы о них слыхала. Оказывается, это только сперва жутко. А так — ничего. Только всё-таки это, наверное, не сам Литейщик, а кто-то из его свиты. Ну не может у Белого Литейщика такого голоса быть!

Только вот что хотелось бы знать. Если дева вдруг начала вещать просто своим гостям — нам за это не влетит? Я же не знаю, как положено...

Рю болтает, жрица рисует, и только мне другой рукой знак подаёт: передай ещё листок, некогда брать! Я подала. Там у неё много бумажек, я чуть-чуть порылась: и чистые, и с рисунками, и со стихами, и даже с мужскими письменами. Это-то зачем? Неужто у Златоцвета правда есть поклонник, да такой глупый, что письма ей пишет непонятными знаками? Или их тут заставляют учёные книги осваивать, как для Государевой службы? Это сложно!

Наверное, всё-таки нет. Бумага со знаками — другая, чем с буквами и рисунками. На такой чиновники в приказах пишут. И даже кое-где красные точки — отмечено, что не надо переписывать набело. Ой...

Но это не может быть батюшкина грамота! Чтобы жрица, в белой рубахе и красных штанах, пусть даже и одержимая, дошла до Столицы, зашла в Полотняный приказ, унесла бумагу к себе, и никто не заметил? Ни во Дворце, ни в городских воротах, ни по дороге?

Хотя... Если всё-таки виноват не тот вор, которого поймал батюшка, а другой, которого тут обличили? Он раскаялся, заплакал и бумагу сразу отдал. А во Дворец её почему-то не вернули. Всё равно странно.

Рю тем временем замолчала, Златоцвет уже смотрит обычными глазами, только немножко запыхалась. Три листа изрисовала и ещё вещала при этом! Спрашивает меня:

— Ты там стихи читаешь, что ли?

А я стихов-то и не прочла! Неудобно...

Кланяюсь, извиняюсь.

— Ничего! — смеётся дева. — Это, в свитках — не

мои. Образцы хорошего слога.

Ух ты! Но это она меня путает, наверно. Такие учёные стихи, которые знаками пишутся, даже мой батюшка плохо умеет сочинять, он сам говорил.

— А как это — вещая душа? — спрашиваю я, а свиток осторожно кладу на место.

Дева Златоцвет задумалась. Как взрослые всегда делают, когда выбирают, что рассказывать, а что нет.

— Чует! Всё чует, — начала было Рю. — Всю правду! Она... Даже чего не видела. Люди прячут... как тайна, вот. А от неё тайны нет.

— В общем, да, — соглашается дева. — Когда скрывают люди, а не боги.

— А почему?

— Потому что она сама оттуда, из Сокрытого мира. Оттуда всё видно.

— А как душа вещает. Через... кого захочет?

Дева качает головой:

— Не бойся. Через тех, кого выберет. Моя уже выбрала, она других не берёт. Даже старцев, таких, кто умеет призывать чужие души.

— То есть... Любую призовут, если захотят?

— Не у живых. Пока человек живой, душа не больше знает, чем он сам. Да и не все ушедшие правду открывают. Только те, кто сам от какой-нибудь неправды пострадал.

Рю встречает:

— Только человечесьи души?

— Нет, любые.

Ну вот, а я-то думала, в святилищах и близко ничего нет такого, что от мёртвых идёт, раз и слова такие тут говорить нельзя: заболел, умер, убили... Это батюшка как-то объяснял, почему он сам редко молиться ездит: много скверного, говорит, в сыскных делах встречается.

Кстати:

— А это твоя душа вещала, когда тут недавно Полотняного чиновника обличили? Он мой дальний

родственник. И если честно, жалко его, у него жена...

Нельзя говорить «болеет», скверное слово.

— ...ослабела совсем.

Златоцвет опять меняется, хмурится:

— Не жалко! — слышен голос вещи души. — Плохой. Виноват. В огонь бросил. Ни за что! Просто за то, что девочка!

Замолчала. Вдохнула, выдохнула, достаёт из-за полы чистую бумажку, вытирает слёзы. Говорит по-своему, обычно:

— Даже не в воду, а в огонь. Это правда было... жуткое что-то. Я сама ведь не из Столицы, а можно сказать, с большой дороги. С Восточной, у бабушки там заезжий двор. В наших краях на что только не намотришься, но про такое даже я не слыхала.

И я не слыхала. И не понимаю. Страшно, очень страшно, только — зачем? Зачем бумаги жгут, понимаю. Мёртвых тоже монахи сжигают, чтоб хоронить. Поджигатели дома жгут, иной раз со всеми жителями, и поди вовремя выскочи. Но кидать в огонь — живую девочку?

Переспрашивать не буду. Может, потом, дома у Рю выясню, не знает ли она. Да вряд ли. Это уже не дикость, а хуже, кажется.

Но погоди. Вот он такое злодейство сотворил — да ещё и грамоту украл? Или всё-таки не он?

— Раз, выходит, он... погубитель, и в том его обличили — он тогда не вор, не изменник, получается? Или всё-таки?

— Не говори скверное слово, — поправляет дева. — Но по сути да, в воровстве его тут никто не обличал. И в измене тоже. Других — бывало, но не его.

— Но судить-то его будут как вора!

— А что, собственно, он украл? — спрашивает дева.

— Одну грамоту, черновик, с правкой красными точками. Я думаю, там как раз точки главное...

Присматриваюсь к деве Златоцвету — нет, она

слушает, как будто у неё такой грамоты не лежит среди рисунков и записей. Или она сама не знает? Или это вообще другой свиток?

И тут Рю меня дёргает за рукав:

— Ой? Слышишь?

Братец всё делает не во время. Но Рю права, это он ревёт, как маленький. Приходится поспешно откланиваться.

— Приезжайте ещё, — говорит дева, глядя на свои рисунки. — Расскажите про других зверей.

Выбрались наружу, а там... Даже не скверные слова — гораздо хуже: кровопролитие в святилище! У братца нос разбит, течёт, вокруг целая толпа, и матушка, и господин Гээн, и здешние, и паломники. И какой-то воин за ухо держит паренька ещё меньше братца и кланяется вместе с ним — извиняется.

Оказывается, эти двое устроили тут понарошку священную борьбу. Не настоящую, даже круг вервием не обвели. Ну и, конечно, всё пошло не так: братец боролся-боролся, видит, что проигрывает, и решил кулаком ударить. А тот второй паренёк ему дал сдачи, да так, что нос разбил и сразу уложил. В общем, полное безобразие и жрецы очень сердятся. А господину Гээну теперь до следующего месяца нельзя будет на службу, потому что он тоже жрец, а брату нос зажимал и тоже осквернился. В общем, пришлось прямо сегодня уезжать, на ночь глядя. Никогда раньше по ночам в возке не ездила!.

11. Кику-Златоцвет, божья дева из святилища на Литейной горе

Родичей водить в святилище — дело неблагодарное. Вот и эти девчонки, кажется, сами теперь не рады... И получается, учитель, как всегда, был прав: дошло до кровавой скверны, и мне ещё с ним объясняться из-за этого. Ну, в крайнем случае, скажу правду, и пусть попробует возразить. Если Грузилка чего хочет — ведь это моё дело о ней позаботиться,

разве нет?

А моё ли дело прятать чьи-то неизвестные бумаги — это мы посмотрим. Приносит, велит: спрячь у себя, никому не показывай и не проболтайся. И точно, покои старца могут и проверить. А что мужские записи держит у себя танцовщица, по-заморскому неграмотная, — такое никому в голову не придёт. А ежели и придёт, то какого же чиновника ко мне пустят? Мы божьи девы, мужчинам к нам ходу нет. Уж всяко — мирянам, пока они живы.

А если найдут, тогда что? Мои батюшка и братья, положим, давно у меня не были. Да и побывали бы — едва ли бы кто их заметил среди толпы других простолюдинов. Кому я, почтительная дочь, не отказала бы в такой просьбе — спрятать краденое? Конечно, родне. Учитель-то вне подозрений. Скажет, что недосмотрел, повинится, с меня спросу никакого — а отвечать придётся не ему. На заезжем дворе всякие дела творятся, сама знаешь, дева, и если даже смотрителю вменяют чужую вину, перед богами-то он примет кару за свою собственную...

Это, конечно, если девочка из Столицы ничего не путает. Грузилка подтверждает: не врёт. Но наврать могли самой этой барышне, а ещё она могла неправильно понять, что слышала. Бывает, дарование проявляется с юных лет, но пусть бы даже она могла прочесть чиновничьи доклады — вряд ли ей их представляют. Значит, слухи и сплетни, не больше? Их и тут хватает.

И всё равно лучше бы проверить.

Вечером старец Каги-младший изволил зайти. Привычно проверил скверну, но про посетительниц моих ничего не сказал. Будто ничего не знает.

— И кому же ты сегодня вещала?

Ну, правду так правду:

— Когда заново обсуждают прежние речения вещей души, она всегда беспокоится?

— Как правило да. Поэтому лучше такого избегать.

— А как я могу избегать, если я сама не слышала половину того, что вещалось моими устами? Откуда я знаю, про те речения говорят или про что-то ещё?

— Здраво, дева, — соглашается он. — А сегодня — слышала?

— Вот я и хочу понять. Тот чиновник, младший родич дома Конопля, признал свою вину и каялся. А в чём?

— Здесь — ни в чём определённом. Во множественных недосмотрах за собственными его делами, домашними и служебными. В Столице сейчас разбираются, я слышал, что именно он натворил.

— А убийство можно назвать недосмотром?

— Не говори дурного слова! Ты который год в святилище?

И опять-таки буднично, ровным голосом возглашает очистительные слова. С видом: как надоело!

Я виновато склоняю голову. Но он же видит: я жду.

Учитель присаживается. Говорит:

— Недосмотры бывают разные. Иные ведут к самым тяжким последствиям и для самого человека, и для других. Но назвать следствие причиной будет неверно. А к чему этот вопрос?

— Каялся он, значит, в недосмотре. Я сегодня слышала о нём как о воре и изменнике. Вещая душа видит... гораздо худшее.

Старец молчит. Потом разводит ладонями:

— Вещие не изрекают неправды. Мало ли в чём тот человек не решился покаяться. Он из дома Конопля: возможно, о худшем из худшего он здесь у нас, на Горе, просто не смог вымолвить ни слова.

Угу. Хорошо воспитанный чиновник, не чета некоторым. С детства знает, какие слова дурные, а какие нет, и что можно говорить в святом месте, а чего никак нельзя.

Но если так рассуждать...

— Если он... свершил то самое, то как он вообще

смог пройти на Гору? Если на нём лежала тяжкая скверна?

Пожимает плечами:

— В доме Конопля сильные жрецы. Особенно по части очищений.

— Ничего себе... То есть они все там заодно, получается?

— Ну, конечно.

Говорить этого не буду, но не сходится, даже дважды. Первое: может, Конопляные очистители и постарались — но Грузилка всё равно почуяла. Или это просто потому, что очищавшие не знали — если дело касается детоубийства, для неё десять тысяч обрядов скверы не покроют? А второе: почему вышло так, что барышню из этого же дома Грузилка приветила, да ещё и так вышло, что та завела речь о свитке с красными точками?

— Но сейчас вещая душа, похоже, спокойна, — говорит учитель.

— Да. А я нет.

— А тебя что тревожит?

— Та грамота, которую ты мне дал. Не могу её найти.

— Хочешь сказать — потеряла?

— Она потерялась, — говорю, как маленькая. И глазами хлопаю.

И что сейчас старец Каги-младший предпримет? Будет ругаться? Бросится искать? Начнёт расспрашивать, кто о моих тайниках знает?

Ничего подобного.

— Я думаю, к утру пропажа отыщется, — спокойно молвит учитель. — Ну а если нет... Я начинаю понимать, почему тебя беспокоит вопрос о недосмотрах. Что ж... жреческое служение требует ответственности. Не то чтобы ты была в святилище совсем незаменима.

Встал, кивнул на прощанье и удалился — весь такой красивый и безупречный.

И попрут тебя, дева, отсюда с позором. Домой, к

батюшке, на заезжий двор. И будешь опять до конца жизни бегать с подносами да с помойным ведром. Или выдадут замуж за какого-нибудь возчика вот с такенными кулачищами. Да кто бывшую одержимую возьмёт? Бесстрашные воины — и те шарахаются... Разве что разбойник, совсем уж отчаянный. И будешь ты с ним жить в горной хижине, от крови отстирывать награбленное барахло, рожать и думать — ну, и куда? И хорошо ещё, ежели разбойник сам лишних будет уносить. В реку, в пропасть, в костёр или куда ещё.

Грузилка плачет, виснет, будто у ней полны рукава железа.

— Нет, нет! Бумажка тут! И точки!

— Да сама знаю...

Утром старец ничего не спросил. Я сама сказала, что грамота нашлась. Он ответил: ну, вот и хорошо.

12. Хокума, делопроизводитель Полотняного приказа

Делопроизводитель и задержанный пробежали трусцой вдоль ручья, к поросшему ивами берегу. Если присмотреться, оружия у местных, кроме лопат, вроде бы нет. И то хорошо.

У воды те развернулись, идут над речкой, вверх по течению. Там рощица небольшая — плохо: верёвка запутаться легко может. Но чуть не дойдя до рощи, поселяне остановились. Дитя, паренёк лет семи-восьми, уселось на траву, мужики начали копать. Один остался, развязывает тук. Не видно отсюда, что там.

— Бражка! — поводит носом Девятый.

Стыдно помыслить: неужели при появлении людей из Полотняного приказа первое, что делают местные жители, — закапывают поглубже всю выпивку? И зачем тогда им парнишка? Или всё-таки клад, а брага — для возлияний его стражу? Змею какому-нибудь?

Роят усердно, основательно. Мальчонка сидит как-то неудобно и очень знакомо. Точь-в-точь как Девятый. Только верёвку, которой он связан, никто из

взрослых не держит.

— Слышь, Начальник! — шепчет задержанный. — Развяжи, а? Не убегу. Не люблю, когда над маленькими куражатся.

Да кто ж такое любит? На вид мальчишка — ровесник младшего родича Хокумы, сына лучшего приказного сыщика Наммы. Правда, тот парень орал бы и брыкался, а этот тихий. Только плачет: щёки мокрые, блестят под лунным светом. И вообще странные какие-то щёки...

Тут один из взрослых мужиков подхватил из второго тючка мешочек, распорол, в яму с шорохом посыпалось — похоже, зерно. Прямо из бочонка туда же плеснули браги. Другой дядька, длинный, взмахнул руками, что-то протяжно затянул нараспев — на местном наречии, ничего не разобрать толком. Голосил недолго. Двое подняли мальчишку, ловко опустили в мокрую яму. И снова взялись за лопаты.

— Ну теперь-то видишь? Всеми богами прошу — развяжи!

Делопроизводитель не отвечает. Шагает из ивовой тени под луну, зычно окликает:

— Что за неурочное сборище? А ну, разойдись!

Мужики замерли, шарахнулись было — но не побежали, как можно было ожидать. Длинный перехватил заступ поудобнее, понурил голову, чтоб лица не видать было, откликается:

— Шли б вы, барин, своим путём. Эт' дело не столичное. Эт' дело божье.

— А кто из вас жрец?

Нет ответа. Но не рассыпались — растянулись цепью, с лопатами навскидку встали между ямой и чиновником. И даже чуть ближе к чиновнику. И ещё ближе.

Только неисправный чиновник в служебной поездке ходит в нужник безоружным. Хокума, правда, не упражнялся с саблей едва ли не весь последний месяц. Ну, ничего.

— Развяжи! — мычит Девятый и слегка шарахается, когда в воздухе сверкает клинок.

Законопослушные крестьяне разбежались бы по окрику. Смутьяны — на взмах сабли. Эти — нет. Только мятежа не хватало...

Зримая угроза мятежа должна рассматриваться как чрезвычайное происшествие. Придётся, значит, драться. Если и после первого раненого не сдадут назад — плохо дело.

И не надо было так далеко выступать вперёд. Теперь уже и задержанный у них на виду. Будь Хокума на месте злодеев — обходил бы сзади, подальше от клинка, поближе к связанному.

— Держись ближе!

Сабля мелькнула по длинной дуге, никого не задев. Окружают, плохо дело. Следующий удар запнулся о рукоять заступа. Делопроизводитель едва успел уклониться от лезвия лопаты.

Самое время задержанному броситься ничком на землю, натягивая связку. Тогда Хокуме ничего не останется, как обрубить верёвку, пусть бежит — иначе обоих забьют. И точно — дёрнуло за пояс, только не вниз, а назад, с каким-то хеканьем. И снова верёвка ослабла — Девятый прижался ближе, спина к спине. Дёргается, словно одной ногой отмахивается от злодеев. Пока — довольно удачно.

Лопата мелькнула плашмя, сбила шапку, по лицу посыпалась какая-то гадость. Хокума крикнул: «Держись!», нырнул вперёд, ткнул остриём в тёмное и мягкое. Противник завопил, отскочил. Но на ногах — неглубоко совсем вошло. Теперь, когда брызнула кровь — или навалятся разом, или побегут.

Хвала Просветлённому — побежали.

Не все, не разом — двое припустили в рощу, ещё двое — к деревне. Девятый ревёт:

— А-а, душегубы растакие!

Длинный подобрал брошенный товарищем заступ, отступает, не поворачиваясь спиной. Говорит, слегка

задыхаясь:

— Зря ты так, барин. Теперь — быть б'де!

И тоже ушёл. Хокума велел задержанному: тихо! Прислушался, дождался, пока стихнет шлёпанье ног. Двинулся к яме.

Докладывать утром будет очень неудобно. Пошёл один, с задержанным, без охраны, против преобладающих числом смутьянов и всех упустил. Ну так не гнаться же за ними.

За пояс саблю засовывать не стал, положил на глину возле опрокинутого бочонка, в досягаемости. Нагнулся, подхватил мальчишку за ноги и за бок.

— Подай назад!

Вытащил — на этот раз, как назло, парень вьётся угрём. Плюхнул на траву, повернул лицом к луне.

— Ох ты ж... — выдохнул из-за плеча Девятый.

13. Намма, младший советник Полотняного приказа

Итак, беловик пропавшего списка изготовлен и представлен Властителю Земель для окончательного утверждения. К счастью, обычно Государь не изволит править уже перебелённые указы — но всё равно весь Приказ в напряжении. Тем более что такая задержка вышла... А где черновик — так до сих пор и не известно: писарь Кэйран повторяет, что не помнит, сыщик Ёкодзима — что не знает. Так оба и сидят под запором.

Дома у младшего советника Наммы тоже беспокойно. Благочестивое начинание дочки, поддержанное бывшей супругой, обернулось плохо. Теперь предстоит послать подношение в святилище, вступить в переписку с отцом второго драчуна и, что едва ли не тягостнее, объясняться с господином Гээном. Куда он, собственно, смотрел? Бывшая госпожа Намма утешила: хорошо хоть, мальчишки до луков со стрелами не добрались! Вот всегда она так...

И от Хокумы — ни слуху ни духу. Должен был бы уже вернуться. Если там, на востоке, не вскрылось

чего-то худшего, чем ожидалось...

Только младший советник, вздохнув, уселся за письма с извинениями, как из-за дверной створки выглянула дочка. Сейчас выяснится, что про безобразие в святилище ещё не всё было изложено... Вообще девочка — не ябеда, но дело идёт о родном брате, склонна к удручающей нелицеприятности.

— Батюшка, — мрачно говорит она. — А ты так и не спросил про то, за чем мы на Гору ездили.

— Ты о чём?

— О преступлении. Или — без нас тут уже нашлось, что пропало?

Ну, собственно, трудно было усомниться, что барышня Намма слышит всё, о чём говорится в доме — особенно если разговор идёт не с нею. А теперь, кажется, у неё выросла дополнительная пара ушей под южными кудряшками. Ещё недавно младший советник радовался, что дикарка так быстро осваивает облачную речь, а теперь уже и не знает...

— Нет, не нашлось. Но, похоже, всё удалось восстановить. Необходимо смолоду развивать память — в том числе и на такие случаи!

— А эта грамота какая была? На приказной бумаге, длиной вот такая, — она широко разводит руки, — шириною примерно в две мои пяди, и там красные точки стоят? Ближе к началу три почти подряд, а дальше не знаю...

Так. Если сейчас обнаружится, что всё это время список святилищ мирно лежал в усадьбе самого Наммы, и здешние дамы в него рыбу заворачивали... Как сказал бы Хокума, в таких случаях исправный чиновник сам просит об отставке.

— Примерно такая, — сдержанно кивает младший советник. — А где ты её видела?

— Её или очень похожую, — осторожно уточняет девица. — Только мне сказали, что это китайские стихи.

— Кто сказал?

— Так, в святилище, — небрежно помавает дочка

рукавом. — Только знаешь... наверно, ваш писарь её не крал. Или даже крал, но это не главное.

— А что же тогда главное?

— А то, что он — беспощадный убийца!

Палец в потолок, короткие бровки сведены — и, кажется. не шутит.

— Кто — господин Кэйран? С чего ты взяла?

— А нам в святилище вещая душа сказала. Вот, Рю тоже слышала, может подтвердить.

Ну конечно. Рю уже высовывается, кланяется и поспешно кивает:

— Правда! Души не врут!

Так, ещё одно вещание, что ли? Чем же Кэйран так насолил Белому Литейщику — или его служителям?

— Что за душа? Расскажи толком.

Излагают вдвоём, не как барышня и служанка, а наперебой. Только дикарке слов то и дело не хватает. Повествование у них выходит совершенно дикое — тут и одержимые, и выдры, и Кэйран, который малое дитя в огонь бросил... Но не сочиняют — по крайней мере, явно верят тому, что говорят.

— Тут какая-то путаница, — говорит Намма. — Ну посудите сами, с чего господину Кэйрану сжигать дитя?

— Не знаю, — пожимает плечами барышня.

И мрачно добавляет:

— Говорят — просто потому, что девочка...

Ох. Намма уже замечал, что дочка ревнует к брату — но чтобы настолько? Нет, похоже, в святилище им правда чего-то понарасказывали.

— Вещие духи, конечно, не лгут, — медленно произносит младший советник. — Но на правду тоже не очень похоже. Да, бывает иногда: бедный крестьянин ждёт, что у него родится сын, будущий работник, а оказывается — дочка, и уже не первая. И он не кормит её, или вообще уносит в горы и оставляет там. Но это — редко, и у совсем бедных людей, которым не прокормить лишний рот. У господина Кэйрана — служба в Приказе, хорошее жалованье, он в год получает

расписок на столько зерна, сколько десяток крестьянских хозяйств выращивает. Детей у него не было — родилось одно, да умерло. И он об этом ребёнке очень горюет, а жена его так вообще слегла от горя. Да и вообще он человек мягкий, образованный — совсем на него не похоже.

— А Государевы грамоты красть — похоже? — упрямо ворчит барышня.

— Да тоже не очень, на самом-то деле.

Рю открывает рот, спохватившись, кланяется, спрашивает:

— Можно говорить?

— Ну давай.

— Может так: дитя в огне его. Но не госпожи. Блудное!

— Это плохое слово, — равнодушно указывает ей молодая хозяйка, но сама смотрит не на Рю, а на отца.

— Также вряд ли, — качает головой Намма. — Во-первых, все знают, что писарь Кэйран со своей супругой ладит хорошо. Но, допустим, это потому, что она не знала, что у него... связь на стороне. Но даже если бы так, и у него родилось внебрачное дитя... Здесь всё-таки Столица, а не горная глухомань. Вокруг — ближние сёла, куда можно отдать ребёнка за малую плату, даже если мать умерла, а отец почему-либо не готов взять его в дом. И храмы, туда иногда тоже отдают детей — если знаменье было или если дитя родилось... со скверной какой-нибудь очевидной.

— Это как?

— Бывают врождённые недуги, увечья, младенческие болезни. Но уж если человек выжил, значит, на что-нибудь да годен. Ты, наверно, видела — на Шестой улице через два дома от нас: к тамошнему хозяину в гости приезжает брат, всегда в носилках едет до самого крыльца — потому что у него с детства ноги не ходят. Но ведь служит он в храме, говорят, учёный и уважаемый монах, хотя и не все обряды может справлять. В Обезьяньем доме есть картина с тем

господином Саруко, который полтора года лет назад прославился как музыкант. Так вот, играть на лютне он учился у наставника, слепого от рождения: тот прибыл к нам с материка.

— А девочки? — спрашивает Рю.

— И такое было, правда, тоже уже давно. Дочь начальника стражи, тоже слепая, выткала дивный образ Чуткой ко Звукам — и даже прозрела от чудесного света, говорят. Поэтому, между прочим, в доме Конопля уж и вовсе никто не решился бы даже от слепого дитяти избавиться. А Кэйран — наш родич.

Дочка слушает, кивает задумчиво, но Рю упрямо повторяет:

— Души не врут. Эта точно не врёт.

— Но послушайте, — терпеливо говорит младший советник обеим девочкам, — даже те голодные крестьяне, о которых я поминал, нежеланных детей всяко не жгут в огне. Это уж какое-то полное зверство, не всякий разбойник на такое пойдёт — сжечь живое дитя! А господин Кэйран...

Барышня хмыкает, морщит нос:

— М-мм. Душа ведь не говорила, что живое?

— Тогда зачем? — удивляется Рю. — Мёртвого жечь — зачем?

— Так положено, все так делают.

— Почему? Закапывать надо, а то земля не родит!

— У нас в Столице — сжигают, а потом закапывают пепел и кости. Это по закону Просветлённого, — объясняет Намма. — В ваших краях монахов мало, потому этот обычай ещё не привился.

— Но ведь господин Кэйран писарь, а не монах. Душа его видела, — с подозрением говорит барышня.

— Да, дочь Кэйрана наверняка хоронили монахи, по всем правилам. Впрочем, действительно имеет смысл уточнить в храме.

— Тогда пойдём уточним! В святилище мы уже были, теперь — в храм!

Отложив письма, младший советник на ночь глядя

отправился в храм — с дочерью, но всё-таки без дикарки. Где справляли погребальный обряд по Кэйранову младенцу, выяснять не пришлось — родич всё-таки, нельзя не знать. Нашли и того монаха из Западного храма, кто руководил обрядом: досточтимого Тарикибо, немолодого уже, полного, благообразного.

— Было сделано допустимое исключение, — осторожно пояснил монах. — Отец до самого костра нёс тело дитяти сам — отказывался отпустить. Не подобает, конечно, так горевать над мёртвыми, но мы препятствовать не стали — дабы в исступлении от горя не нарушил он обряда каким-нибудь худшим образом. Прах предавали земле уже мы сами.

И потом ещё долго живописал, как обременяет участь человека чрезмерная скорбь — и в этом, и в будущем рождении. «Верни к жизни моё дитя! — молила женщина. Просветлённый отвечал: принеси мне воды из дома, где никто не умирал. Женщина обошла всю страну и не нашла такого дома...» Когда монах заговорил о муках ада, Намма поблагодарил и дочку увёл.

Дома первым делом всё было пересказано Рю. Она выслушала с некоторым сомнением, подумала, потом закивала:

— Ах! Душа не врёт. Только немножко путает. Она маленькая.

Дочка, кажется, вздохнула с облегчением и уже собралась улизнуть к себе, но младший советник её остановил:

— Погоди. Так где ты видела такой свиток, как описывала?

— Так на Литейной горе. У божьей девы среди стихов.

— Но как? У которой девы?

— У нашей подруги. Это она вещала. То есть это её душа господина писаря обвинила.

Подружились, значит. Сами довелись, которая жрица им нужна, добрались до главной улики... Да что

там — до самой искомой покражи! Две девицы — одиннадцати и девяти лет. Полотняный приказ не справляется, пришлось детям действовать самим. Позор! И в то же время редкая удача. Договориться с юной божьей девой девочкам проще, чем взрослым чиновникам. А может, и Намма-младший не просто безобразничал в святом месте, а внимание отвлекал.

Но как свиток мог оказаться у этой девы? Кэйран, что ли, так и пришёл молиться с покражей в рукаве, выронил, а жрица подобрала и припрятала? Бессмысленно. Прячет грамоту у себя по поручению кого-то из своих родных? Намма спросил, дети подтвердили: не может быть, вся её родня, во-первых, простолюдины, во-вторых, живут за много вёрст отсюда и столичных покровителей, похоже, не имеют.

Или там целый заговор божьих дев, и они передают свиток друг дружке?

Надо самому ехать разбираться. Но мужчину, будь он хоть из Полотняного приказа, к девам не допустят, а действовать через жрецов — бесполезно, никто из них свою Гору позорить не позволит.

Намма ещё раз расспросил дочь, при каких обстоятельствах она видела свиток. И убедился: не только сама она не знает, видел ли её кто за этим занятием, но и Рю была поглощена девой и её душой и ни на что больше внимания не обращала. Так что отпускать их снова на Гору, конечно, нельзя: если заказчики кражи уже осведомлены о малолетних лазутчицах, это может кончиться плохо. И в Столице-то теперь придётся с девиц глаз не спускать.

— Но батюшка! Я же не умею читать мужские знаки! А Рю — вообще никакие!

— Я это знаю. И вы это знаете. А на осведомлённость остальных я бы не полагался.

— Но дева будет ждать! И её душа! Они сами звали!

— Тем более.

— А если из святилища сюда явятся, пока ты на службе? А мы тут одни! И не знаем даже, кто за нами

придёт?

— Зачем явятся? — говорит Рю. — Просто заклянут. Испортят. Не дева, не душа, а злые.

И ведь тоже верно. Обсуждали допоздна, в конце концов кормилица встревожилась и вмешалась. Решено было: ехать в святилище придётся, но всем вместе — и Намме, и кормилице, и девочкам. И уж на месте пытаться понять, откуда грозит беда и грозит ли.

— Только без братца! — потребовала дочка. — Тогда уж точно — беда!

14. Барышня Намма, дочь младшего советника

Братца не взяли! И поехали почти сразу, в нашей повозке — батюшка в Приказе договорился, чтобы его отпустили. Всю дорогу и меня, и Рю только и делал, что предостерегал. Иногда даже спорил с кормилицей, потому что она тоже лучше знает, как безопаснее. Но я объяснила, что в любом случае к деве Златоцвет нам с Рю надо идти вдвоём, а то она ничего не скажет. Рю думает, что вещая душа вообще взрослых не очень любит.

Когда прибыли на гору, кормилица сказала батюшке за нами следить, а сама пошла молиться, чтобы всё обошлось. Он начал расспрашивать осторожно, какие тут жрецы, кто кого наставляет и кто чей родич, а мы отправились искать деву. Сперва не нашли, но я решила, что оно и лучше: подождём в её закутке, посмотрим, нет ли там той грамоты.

Так ведь нет! Стихи есть, и красивые. Картинки со зверушками. Письма какие-то малограмотные — а того свитка нету. Батюшка всегда говорил, что если обыск тайный, надо потом всё точно на место положить, и у меня получилось бы, я всё запомнила. Только вышло очень долго, и сама дева пришла.

— Вы что тут делаете? — и сильно сердится, видно. Хорошо хоть, сегодня она без меча.

— Мы знаем! — говорит Рю. — Мы узнали! Про

писаря правду!

Дева меня легонько так отодвинула, уселась, быстро просмотрела свои бумаги. Уже спокойно говорит:

— И что за правда?

Я ей рассказала, как на самом деле, оказывается, было: что дитя у господина Кэйрана умерло, то есть ушло, от плохого самочувствия, что он так горевал, что когда пришла пора тело сжигать, монахи ему позволили самому девочку нести, но уже не живую.

— Не монахи, а бритые, — поправляет Златоцвет. Но слушает внимательно, кивает. Вроде получилось объяснить.

А потом вдруг опять — волосы дыбом, глаза закатились, и тоненьким голосом:

— Не бывает! Так не бывает! Чтоб сама!

Тут Рю меня опередила, заговорила быстро-быстро по-своему, рукавами размахивает. Я ничего не понимаю.

— Болеть — одно, — заявляет вещая душа. — Помереть совсем — другое. Помирают не сами! Я знаю! Я уже!

Вещим душам, выходит, можно и в святилище запретные слова произносить.

Монахи-то говорят, что все мы много раз — «уже»: и умирали, и рождались. Только кто родился человеком, не помнит, что с ним раньше было, а кто в духа превратился — у тех память не отшибает. Потому что духом становиться не больно, а вот родиться человеком или зверем — и тяжело, и страшно. Но как это объяснить?

— Кто-то сами, — говорю, — а кто-то — не сами. По-разному. И потом опять кем-то возрождаешься: кто человеком, кто духом, кто лошадью, кто вообще в аду...

— Про ад — это враки, — вмешивается Рю. — А человек, дух, птица — да.

Дева пошарила, не глядя, нашла бумажку, пишет. Тушь почти сухая, но я по движениям читаю:

«Немедленно прекратите тут эти рассказы! Так бритые говорят, а здесь — божье место!» И что-то ещё хотела, но душа опять заговорила, даже словно бы захныкала:

— Дух лучше. Не хочу больше — чтоб человек. Хватит! Людьми плохо!

Монахи-то считают как раз, что человеческое рождение — самое редкое и ценное, но я уж не стала деву окончательно злить. Ей и так трудно вещать и писать сразу.

Рю соглашается:

— Человек — не совсем хорошо. А лучше всего — вот! — сложила руку горстью и елозит по полу. Я догадываюсь:

— Черепахой, что ли?

— Да! Отравной! Ядной! Живёт долго-долго! И никто не обижает — страшно!

— Че-ре-па-ха... — задумчиво повторяет душа. — Какая?

Дева показывает мне: разведи тушь. Ковшик с водою тут есть, так что я всё сделала. Она кистью взмахнула, раз-раз — и получилась черепаха, круглая, с хвостом вразлёт.

— Хорошая... — говорит душа.

— Да! — откликается Рю. — Уф!

— Хочу черепахой. Потом. Расскажи ещё!

Рю перешла опять на южное наречие. Долго говорит, дева вроде и в себя пришла. Волосы пригладила, посмотрела на картинку. Мне шёпотом:

— Ты вся в туши!

Ой... А она повернулась к Рю, спрашивает:

— Только я не поняла. Как это — у кого раньше черепахи были в роду, тем легче стать такой же?

— Давно-давно, — говорит Рю. — Самый первый родич. Если птица — черепахой трудно. Если змея — так... А если первый дед был черепах — совсем легко.

Дева щурится:

— А у тебя кто был первый дед?

— А нельзя говорить. До обряда! Пока девочка!
Только родне.

— Понятно.

В Рю, по-моему, от черепахи ничего нет. Не похожа. И нюх у неё — как у мохнатого зверя, а не этих, черепокожих. Или пресмыкающихся? Не помню, это братцу объясняли, но я прослушала.

Рю голову набок наклонила, тихонько спрашивает:

— Души не врут, да? Но чуть-чуть путают.

Дева Златоцвет вздохнула, прислушалась. Потом тоже вполголоса отвечает:

— Иногда. Она ж маленькая совсем была. Поначалу совсем как младенец, почти не говорила, только орала. Теперь подросла.

— Хорошо говорит, — кивает Рю. — Это трудно!

Тушь не оттирается, только размазывается. Ладно, потом. Надо заниматься делом! Спрашиваю:

— А вот китайские стихи, которые у тебя были в тот раз...

Дева смотрит удивлённо:

— Какие стихи?

— Тут были, с твоими вместе.

— Я только на Облачном наречии сочиняю, и списываю тоже родные песни. Что я тебе, чиновник, что ли?

И улыбается. Так, что я сразу поняла: ничего не выйдет.

15. Кику-Златоцвет, божья дева из святилища на Литейной горе

Девочек я, наконец, выпроводила, прислушалась: Грузилка тихо сидит и, кажется, вся в думах о черепахе. Не знаю, хорошо это или плохо. Может, и к лучшему: сама я не сумела бы ей так объяснить, как эта кудрявая, про смерть. Или не решилась бы.

А вот расспросы барышни и то, что она у меня в уголке рылась, — это мне совсем не нравится. Девчонки забавные, и Грузилке нравятся, но только не хватало,

чтобы меня из-за них услали с Горы!

Хорошо, что та грамота у меня с собою была в рукаве. А то, боюсь, я бы вернулась — а ее и правда спёрли. Не святилище, а заезжий двор какой-то, ничего нельзя оставить!

Учитель в своё время разрешил и даже велел: если что случится необычное, сразу идти к нему, и ничего, если меня кто-нибудь посторонний увидит. Служение важнее приличий. Но сейчас он, может, и один.

На дворе у старцев полно народа, но передо мной все расступаются. Странно глядят: не на меня, а на крыльцо старца Каги-младшего.

А-а, ясно. У учителя в покоях сидит чиновник. Столичный, судя по платью. Толстый, маленький, и кажется, говорливый. С виду примерно одних лет с моим старцем. Важный посетитель, наверно, раз его не снаружи принимают, а за дверьми.

Я врываться не буду, конечно. Посажу на крыльце, подожду. Тем более что отсюда всё слышно.

— Возможно, господин младший советник ещё не понял: здесь божье святилище, а не воровской притон. И не разбойничий, несмотря на прискорбное происшествие с участием молодого господина. И уж тем более не отделение вашего... э-э... учреждения.

Чиновник почтительно набычился:

— Увы, боюсь, это я не был верно расслышан. Я не спрашиваю, здесь ли упомянутая грамота. Я утверждаю: здесь. Служители божьи, без сомнения, располагают надобными знаниями и имели достаточно времени, чтобы распознать, чья это бумага и чьи пометы. Здесь ей никак не место, я с тобой полностью согласен. Я также заключаю по ряду признаков: твои сослуживцы пока от неё не избавились и не были избавлены... ээ-э... сторонней силой. Почему и считаю своевременным начать переговоры о её возвращении.

— Не разумею в невежестве моём: а при чём тут я? Обратитесь к верховному жрецу Горы или к распорядителю, коли уж дело идёт о казённом.

— Взываю к твоей помощи, ибо вижу одно и главное: ты ясно представляешь, о которой грамоте я толкую. Упомянутым начальствующим лицам всё придётся объяснять с самого начала... В подробностях.

Плохо знает этот чиновник моего учителя: давить на него бесполезно. И точно: старец задумчиво чертит веером в воздухе образцово ровный круг и с улыбкой отвечает:

— Пока я представляю только то, что господину желательно нечто от меня получить. Возможно, в Столице это называется переговорами. Но мне кажется, до сих пор не прозвучало никаких встречных предложений. Или я был постыдно невнимателен?

Младший советник поправляет шапку, слегка наклоняется вперёд:

— Хотелось бы предварительно соотнести мои предложения с пожеланиями святого старца.

Учитель, напротив, слегка отклоняется от него:

— Боюсь, мои пожелания выше твоих возможностей.

— И всё же?

— Страшно молвить: мне хотелось бы личной встречи с главою Обрядовой палаты. Наедине. В самое ближайшее время. Возможно, это помогло бы внести некоторую ясность в сложившееся положение.

Чиновник, кажется, икнул.

— Размах замыслов выдаёт великого мужа!

— И разбивается о скудость возможностей — как моих, так и твоих, — печально прикрывается веером учитель.

— А вот ты я попросил бы не делать опрометчивых заключений о Доме Конопля! — твёрдо заявляет младший советник и отвешивает поклон. Старец отвечает тем же, и чиновник выкатывается на крыльцо. Быстрым взором скользнул по мне.

Тьфу. Какая же ты дура, Златоцвет. По этому пухлому личику сразу видно — полчаса назад я беседовала с его не то дочкой, не то сестрицей.

Которую он, кажется, и ищет. Но вместо девочек к нему направляется ражий военный, на лице его — нескрываемая скорбь, чтобы не сказать отчаяние.

— Господин младший советник! Мне нет прощения! Из-за моего недопустимого небрежения твоему сыну был нанесён ущерб, а святой Горе — осквернение! Молю дать мне возможность искупить вину! Мальчишка мой избалован, ведёт себя безобразно, рука у него тяжёлая! Возможно, ты, как человек образованный, смог бы его пообтесать!

Чудеса! С самим Каги-младшим чиновник препирался бестрепетно — но сейчас, кажется, в ужасе. Принимается столь же витиевато извиняться: мол, это его отпрыск во всём виноват!

— Дева, заходи, — слышится голос учителя.

Про Грузилку и черепах я ему, конечно, говорить не буду. И про девочек пока тоже. Но про то, что свиток искали, копались в моих бумагах, — надо. Выслушал, кивнул:

— Этого следовало ожидать. Но ведь ничего не нашли? Вот и молодец.

Между прочем, последний раз он так прямо меня хвалил где-то весною!

Старец Каги-младший, как недавно было отмечено, и впрямь великий муж. Хотела бы я знать: о чём он хочет потолковать с глазу на глаз с главою Обрядовой палаты?

16. Намма, младший советник Полотняного приказа

Конечно, лучше бы справиться с этим делом, не прибегая к помощи главы дома Конопля — но, похоже, уже не получится. Больше того: младшему советнику Намме всё сильнее кажется, что именно переговоры жрецов Литейной горы с господином Асано и могли оказаться целью всей затеи с кражей. И тогда, получается, Намма — просто их орудие. Да ещё и дочка.

Сама барышня Намма на обратном пути была

несколько удручена: грамоты на прежнем месте не обнаружилось, божья дева ото всего отпирается. Да ещё у дочки возникли какие-то уж совсем непонятные вопросы: бывают ли на самом деле ядовитые черепахи? Или они только считаются страшными, а по правде — они чудесные и добрые, как у рыбака, который на такой на дно моря спускался? И за это их все уважают и не обижают?

Между прочим, ответить на этот вопрос достоверно младший советник не смог. Сам он никогда ядовитых черепах не встречал, но рассказывают о них много, особенно на юге. В конце концов, и ядовитые жабы с ящерицами Намме ни разу не попадались, но насчёт них мудрые китайские книги твёрдо утверждают: бывают такие! Но, по крайней мере, это лучше, чем обсуждать с дитятею вопрос: бывают ли ядовитые жрецы?

Ну, хоть убедились девицы: в святилище им больше никакого расследование вести не надо.

— Может, и не надо... — с сомнением прячется за рукавом дочка. — Зато у нас там теперь друзья...

Вот только этого не хватало. Особенно если Намма правильно понял — что это за друзья. Можно представить, что сказала бы бывшая супруга по поводу того, что дитя помогает отцу в следствии и свело знакомство с гневным духом, пусть и маленьким.

Так что когда младший советник сел писать прошение главе Конопляного дома, настроение у него было отвратительное. Хоть бы на слоге это не отразилось... Что ответит господин Асано-старший и ответит ли вообще — не угадаешь.

Казалось бы, и так уже всё гадко. Так ведь нет: в гости пожаловал господин Гээн из Обезьяньего дома. Это, конечно, прекрасно, что он привёз Намминого сына под отчий кров, давно пора. Но сам уезжать, похоже, не собирается: за полмесяца они с мальчиком ещё чего-то не договорили. Сидят, обедают и обсуждают тонкости стрельбы из лука. Младший советник это искусство, конечно, осваивал — но не такой знаток, чтобы понять,

скоро ли эти двое начнут закругляться, исчерпав предмет беседы. Так что сидит, пропускает большую часть мимо ушей, более или менее вовремя вставляет: «О?» , «Неужели?» и неприлично много ест.

— Воистину, — заливается Гээн, — в упадок приходит древнее мастерство, к закату склоняется блеск благородного обычая! Но достойный муж подобному будет противиться — и сам следуя верным путём, и уклонившихся от такового обличая. Пусть голова моя рассядется по меньшей мере натрое, если я позволю, чтобы в следующем году этого вашего родича Ёкодзиму допустили к стрелковым состязаниям!

Намма мрачно жуёт. Ворчит:

— Может так статься, что Ёкодзима ещё и окажется невиновным...

— То есть как это? — господин Гээн вскинулся. — Очевидно, что он мошенник — и, если вникнуть, даже и богохульник! Конечно, этим летом было уже поздно принимать меры — стрельбы состоялись, на глазах у самого Властителя Земель и высших сановников... Да и возник бы естественный, но неуместный вопрос: куда судьи смотрели? Но уж в следующий раз... дудки!

Когда распорядитель дворцовые танцев и музыки говорит «дудки!» — значит, дело решено бесповоротно.

— А что Ёкодзима на стрельбах-то натворил? — устало любопытствует младший советник.

— Как — что? Как — что?! Ты не понял?

— Я тогда на задание ездил, не присутствовал.

— Тогда простительно, конечно, — хотя уже все лучшие стрелки Столицы обсуждают это безобразие, а скоро, боюсь, слухи дойдут до самых дальних восточных краёв! Да будет тебе ведомо: твой подчинённый явился на состязание с благословенной стрелой. Нет, я понимаю, когда боги даруют удачу лучнику прямо в миг выстрела. Но заклясть стрелу заранее у чудотворца, нагло пройти с нею мимо судей, мимо наблюдателей... Не постыдиться соперников... Позорище!

— А как вышло, что никто не заметил? — спрашивает отрок.

— Заметили. Просто глазам своим не поверили! Да с Ёкодзими случилось бы, между нами говоря, отвалить годовое жалованье за фу-фу. Мало ли жуликов, кто страш-шные заклинания пишет дуракам... Так нет, уж как он выстрелил, оказалось — настоящее благословение, с Литейной горы. Стрелу-то мы потом осмотрели.

Никогда младший советник не предполагал, что в нём проснётся такая любознательность по части состязаний.

— Именно с Литейной?

— Несомненно! Старцам оно, конечно, не в укор — им же, небось, он наплёл, что это для праведной мести, для верной службы Государю, против особо опасного и тоже заговорённого изменника... Но со стороны самого Ёкодзими использовать так божью милость — я бы сказал, прямое нечестие!

— Ох... — захватывает дух у мальчика. — И что, если Белый Литейщик прогневается — на следующих стрельбах вообще все промажут?

— Если мы этого подлеца допустим до состязаний — хорошо, если только там! А не у воинов, исполняющих свой долг на границах, внезапно порвутся тетивы в самый неподходящий миг!

— Погоди-ка, — останавливает его Намма. — А известно, кто именно из старцев наложил заклятие?

— Точно не знаем, — отвечает Гээн. — Кто-то из семьи Каги, а вот кто именно...

Впрочем, и этого уже достаточно. По крайней мере один жрец из семьи Каги явно не разменивается на такие мелочи, как годовое жалованье делопроизводителя... Ну хоть что-то.

Письмо Намма отправил-таки. Ждал ответа день, другой — ничего. Наконец, прибегает посыльный из усадьбы Асано-старшего:

— Извольте получить!

«Не зная отдыха, трудишься ты на Государевой службе. Но известно: однообразие затуманивает ум. Позволь себе отвлечься на дела семейные. Внуки у меня, старика, совсем распустились, нуждаются в присмотре и добром примере. Посети моё жилище нынче вечером, потолкуй с ними по-родственному, да построже.»

Как это понимать? Пишет сам Конопляник, глава дома. Внуки у него... Властитель Земель, страшно молвить, тоже доводится внуком старшему господину Асано! Казалось бы, надо ли искать для родни другого благого примера? Прочие внуки, числом восемнадцать, в возрасте от Намминых лет до младенчества, воспитываются лучшими нянями и учителями, какие только есть в Облачной стране. Не говоря уже об их собственных родителях, включая главу Полотняного приказа... В чём мог бы наставить сию молодёжь младший родич из ветви Намма? Придётся разбираться на месте.

В усадьбе Асано на Первой улице сразу стало ясно: ни ошибки, ни шулки тут нет. Младшего советника встретили, заботливо проводили в детские покои. Кажется, прежде Намма тут не бывал, только из сада видел длинное здание, а перед ним в рядок — китайские бобовники, деревья учёных.

Внуки, похоже, в самом деле рассредоточились. На месте оказался только один юноша лет пятнадцати — впрочем, весьма прилежного вида. Сидит впотьмах при слабеньком огне светильника, читает толстый свиток. Рослый и худой, как почти всё молодое поколение старшей ветви семейства Асано, и который это из внуков, чей сын, Намма хоть убей не помнит.

Хуже того: младший советник не узнаёт, что это за книга, хотя юноша бубнит вслух и что-то очень знакомое. Наверняка Намма это учил в своё время... Старик, как всегда, прав: служба приказная отупляет.

Намма уселся напротив родича. Безмолвно подал знак веером: продолжай, я послушаю.

А между тем, за переборкой, в соседнем покое, тоже затеплился свет. И сразу же следом за слугою туда проследовал кто-то из господ, судя по шороху — в мягком домашнем платье. Чуть позже со двора провели ещё одного человека. Тот — в шумном должностном наряде, жёсткий подол стучит по циновкам. А шаг лёгкий, чуть не плясовой. Не из Обезьяньего ли дома?

Младший советник передвинулся, чтобы тень его не падала на переборку. Юноша чуть повысил голос:

— ...есть три средства: насилие, закон и обряд. Последнее — наилучшее, если только...

Поднял глаза, удостоверился, что младший родич нашёл себе удобное место и больше шуршать не будет. Ссутулился и продолжил чтение.

— Приветствия опустим, — слышится голос самого Конопляника. — Что, кроме одной твоей дерзости и моего любопытства, стало причиной нашей сегодняшней встречи?

— Посмею и я признаться в постыдном любопытстве, — отвечает гость. — За что Литейной Горе и её святилищу в Серповой, дорогому нам как дитя — родителям, такая немилость?

Этот голос Намме тоже знаком, хотя и с недавних пор: Каги-младший. Уже за одно спасибо главе дома: не дал младшему родичу прослыть пустозвоном!

Старик вздыхает. Люди Конопляного дома понаторели в том, чтобы толковать такие вздохи. Тут многое сразу: «Какова наглость! А с чего вы вообще решили, что вашей Серповой причитаются Высочайшие подарки? И всё-таки похвально, когда головное святилище бьётся за права своей дочерней святыни, так что хвалю, хвалю...»

— Поверь мне, — участливо молвит господин Асано уже вслух, — ни о какой немилости и речи нет. Но имеется ряд высших соображений.

— Преступно было бы упустить драгоценную возможность с таковыми ознакомиться, — мрачно откликается старец Каги.

— Изволь — действительно, нехорошо, коли они тебе неведомы. Сердцем надлежало бы их чутя. Ведомо, что Властитель Земель прислушивается к голосам народа, до последней нищей вдовицы. И ведаёт: чрезмерные расходы на обряд ожесточают мирские сердца против жречества. Подобная же рознь пагубна для страны! Потому расходы казны на обряд сокращаются. Особенно это относится к тем святилищам, у которых, казалось бы, есть близ Столицы почтенные основатели с нескудеющими закромами. Или на Литейной Горе полагают: дитя своё любящий родитель может не питать, а отправлять жить сторонними даяниями?

Старец не отвечает какое-то время. Потом — опять шорох, шуршание, как от развёртываемого свитка:

— Мудрые слова! Но осмелюсь спросить: а разве сирот видим мы, к примеру, на сей строке и на сей, и на сей? Однако они не обойдены высочайшей щедростью! Или не все киноварные точки зримы для слабых глаз моих?

Каги-младший дерзок с главою Обрядовой палаты, но с богами осторожен: вслух не назвал святынь, дабы не задеть тамошних богов.

— Дай-ка взглянуть, — спокойно откликается Конопляный господин, хоть и не терпит обычно, когда ему отвечают вопросом на вопрос. — Ну сам подумай: можно ли жить сегодня, не помня вчерашнего дня? Вот эта строка — была ли в подобном списке в минувшем году? И чем это обернулось? Знаменье грозное, знаменье ясное. У вас же на востоке, я слышал, всё спокойно.

— Неужели кому-то желательно, чтобы и на востоке стало... начали являться грозные знаменья?

— Вовсе не надобно такого. Но — воля Властителя Земель! Не нам мерить его силы, не нам взвешивать его решимость.

— А свои — нам мерить и взвешивать? Или и тут положиться на то, что за нас это сумеют сделать?

Намма не жрец, но он сыщик Полотняного приказа. И сдаётся ему: сказанное уже очень близко к мятежу.

Видимо, глава дома Коноплянки если и ответил — то не словом и не вздохом, а неслышимым движением. Старец же Каги продолжает тихо, но упрямо:

— Обозревая морскую ширь — уследить ли за каждой волною? Помыслом и делом своим мы все, служители разных святилищ, прилепились — каждый к тому, чьё святилище блюдем. Чутки к заботе и гневу, к награде и каре — и ведаем, что возвеселит, что удручит тех, кому служим. Принято решение, введено установление, посылаются, к примеру, дары в тот или иной край — и видим: не противен дар принимающему его. Но вот — решение оставлено, установление переменялось. Верно ли это? Посмею молвить: нет, ибо и недавний обычай — уже обычай. Нарушение обычая не умножает праведности, у жрецов же и служителей вызывает растерянность, растерянность и разочарование в свой черёд отвлекают от обряда и ведут к нерадивости. Нерадивость же в божьем деле пагубна для страны!

— Хорошо сказано, — одобряет Конопляник. — Но и обильнейшие закрома не бездонны, и тучнейшие поля не бескрайни. На всех, увы, не хватит никакого достатка. Если не закрывать одни святилища вовсе, дабы оделять иные.

И жёстко заключает:

— Что, скажу так, не-же-лательно.

Многие бы, услышав это «нежелательно», склонились бы в поклоне и онемели. Но не таков старец Каги:

— Черпая без счёту из колодца — колодец осушишь, а гряды не напоишь. Но не льётся ли драгоценная влага и на камни? Мало ли тратится средств на новые хоромы и зелёную черепицу? Во всяком ли мирском ведомстве столько служителей, сколько надобно, а не вдвое-втрое больше необходимого? Какое войско сильнее и дешевле:

многочисленное и ленивое или малое и сноровистое? Сколько служителей вне разрядов и вольнонаёмных охранников следует за каждым сборщиком податей — и не из казны ли идут средства на их прокормление? Сколько доносчиков оплачивает Полотняный приказ — и сколько из оплаченных доносов правдивы?

Отрок у светильника предупреждающе повышает голос, читает громче — но это зря, младший советник Намма человек сдержанный. Всё, что думал, сказал про себя. В делах военных старец с Литейной, может, и разбирается лучше многих, но лучше бы ему не лезть в дела Приказа.

— Не могу не отметить точности иных из твоих наблюдений, — произносит господин Асано. — Но если сердце твоё столь пылко, глаз столь верен, а язык столь смел — у той ли особы искал ты приёма, к которой обращена твоя речь? Или ты думаешь, всё перечисленное исправимо постановлением Обрядовой палаты? Единым божьим чудом? Срочным семейным увещанием? Ты будешь разочарован.

— Да я, в общем-то, уже разочарован, — очень устало говорит Каги.

— А вот это — зря! Ибо, как верно отмечено, уныние и разочарование отвлекают от обряда и ведут к небрежению. Кто знает: может, в сей час, может завтра или послезавтра хоть на один из твоих вопросов ты получишь ответ. Ты же не голубятник у себя на Горе, ты наставник. Если вдруг прозвучит вещание — не о тяготах народных, конечно, а вот, к примеру, об обретении сей пропажи, — может, что-то и изменится. Пусть малое — но вернётся к прежнему обычаю. Впрочем, повторяюсь: не наши весы и меры тут задействованы. Но иной надежды я тебе подать не возьмусь.

— То есть... я могу забрать, что принёс? — с удивлением вопрошает Каги.

— Да конечно же — откуда такой бумаге взяться у меня? Надеюсь, она скоро найдётся. А теперь сожалею,

но мне придётся уделить внимание и иным делам.

Гостя провожают. Погодив немного, старик сообщает:

— Вам там темно.

Внук послушно сворачивает свиток, отодвигает перегородку. Намма из угла кланяется главе дома.

— Светлячков пора прошла, снегопады – впереди.

В тёмной хижине моей я читаю наизусть.

Все бы непутёвые юнцы так складно сочиняли на материковый лад!

— Позже обсудим, как тебе всё это понравилось, — говорит младшему советнику Конопляный господин. — А сейчас поспеши за ним следом. Глупо будет, если по пути пропадёт вместе с грамотой. Коня возьми тут, у меня.

17. Хокума, делопроизводитель Полотняного приказа

В любой дальней дороге мудрено избежать осквернения, а уж в такой — и подавно. В виду Столичных ворот младший советник Годзё остановил свой поезд. Слез с коня, повёл затёкшими плечами, повернулся к Хокуме:

— Всё. Отвязывай лиходея.

Делопроизводитель распустил узел верёвки, обмотанной вокруг пояса. Годзё знаком велел одному из охранников подхватить освободившийся конец.

— Это что же? — спросил Девятый. — Бессудная расправа прямо здесь? Зачем тогда тащить-то было в такую даль?

— Чтоб голова не протухла, — усмехнулся охранник.

— Будет тебе суд, — хмуро бросил младший советник.

И снова повернулся к Хокуме:

— Так. Мы все теперь — свершать очищение. А ты забирай своего... кабанчика и пристраивай куда знаешь. Пешком.

Делопроизводитель выбрался из возка, поклонился. Через плечо велел:

— Вылезай, приехали.

Чуть помедлив, повернулся, протянул руку, помог мальчишке выбраться. Тот протёр глаза, посмотрел в сторону бесконечной столичной стены, присвистнул.

Годзё подошёл к ним чуть ближе, шагов за пять остановился, произнёс громким, начальственным шёпотом:

— Значит так, господин делопроизводитель. Этого малого я не видел. И ты не видел. И никто не видел. Ясно? — это он задержанному.

— Разумеется, — отвесил очередной поклон Хокума. Младший советник пожевал губами:

— Ну а если окажется, что эта дурацкая затея проявит себя... хоть на ком-то из нас... Придётся признавать, что всё дело — в твоём постыдном ухарстве и в моём непростительном мягкосердечии. Да оберегут нас все боги от такой нужды!

Вскочил в седло, взмахнул рукой, не глядя на Хокуму, распорядился:

— После очищения сразу во Дворец не иди, я сам отчитаюсь. Завтра с утра жду в Приказе!

И тронулся, с возком, охраной и задержанным. Девятый едва успел кивнуть делопроизводителю.

— А т'перь чего? — гнусаво спрашивает мальчишка.

— А теперь, — легко отвечает Хокума, — ты своего дождался. Тебе предстоит умереть. Помнишь, как молиться?

Коверкая слова, парень повторяет молитву к Закатному Свету.

Досточтимый Тарикибо в Западном храме как раз управился с полуденной трапезой. Готов принять мирян в саду у пруда.

Листья лотосов зелены и в осеннюю пору. Каждый — с тяжелой, крупной слезой в ямке у стебля.

Взрослого мирянина досточтимый помнит. Молодой чиновник, бледный даже и без пудры, опрятный, хотя и видно, что с дороги. Похвально благочестив, привержен делам Просветлённого, чего не скажешь об остальной младшей родне главы Обрядовой палаты. Привёл с собой очередного убогого. На этот раз — малолетнего простолюдина: лицо загорелое, круглое, щёки и лоб изрыты красноватыми отметинами, глаза слезятся. Хорошо хоть струпья уже отпали.

— Где это сейчас поветрие?

Чиновник отвечает:

— У Бобовой долины на Восточной дороге. Когда мы уезжали, вширь ещё не пошло. Мужики там — крепкие...

Монах кивает:

— Хорошо. Взрослые реже выживают.

— Возьмёте, досточтимый?

Несообразно своему сану монах хихикает:

— Нет! Выгону на большую дорогу. Заразу разносить.

Мирянин кланяется. А мальчик подаёт голос:

— Ээ... У вас тут — топят?

И мотает головой в сторону пруда.

— Что проку нас топить, когда мы и так все тонем в пучине непостоянства? — отзывается досточтимый. Паренёк, конечно, ничего не понял.

— Я не девчонка. Меня не топить надо, а в землю.

— Вот оно что, — монах чуть наклоняется к нему. — Ты ищешь смерти?

Тот серьёзно кивает.

— У нас найдёшь. Умрёшь для суетного мира, оживёшь ради будущего века.

И обращается к чиновнику:

— Ладно, оставь его нам. Вымоем, подучим, а там поглядим.

— Для ми-ира? — тянет парень.

— Да. Для всей Облачной страны, и заморских земель, для людей, богов, скотов и демонов.

— А Бобовая считается?

— Хе-хе. И для Бобовой твоей, я думаю, Закон не сделает исключения.

— Тогда идёт, — соглашается рябой.

На прощанье Тарикибо приглядывается к чиновнику. Спрашивает тихо:

— Тебя-то не зацепило?

— Пока нет, — поводит тот плечом.

18. Кику-Златоцвет, божья дева из святилища на Литейной горе

Что старца не было всю ночь — это дело обычное. Но вот что вернулся он ни свет ни заря, я сама спала ещё — это странно. Смотрю не него — сразу видно: что-то там в Столице не так пошло. Что именно — спрашивать бесполезно.

— Тут всё по прежнему, я вижу. Вещаний не было.

Не спрашивает, а сам видит. Ну да, не было. Грузилке сейчас, как выяснилось, вообще не до паломников — всё перебирает, что ей про южные края рассказывали. Я ей полночи рисовала, по рассказу той дикарки и по её собственному представлению. Сложней всего — море изображать: мы-то обе его никогда не видели. И по-моему, оно не такое, как Грузилке кажется. Но для неё это почему-то — хорошая вода. То есть понятно почему — она-то в пресной умерла.

— Нет, — подтверждаю.

— А сегодня будут. По крайней мере одно.

Учитель достаёт тот свиток, с красными точками, возвращает мне. Я уж думала, с этим покончено...

— Прибери в свой тайник. Сегодня приедет Полотняный чиновник — тот, низенький, в зелёном, с которым я недавно толковал. Может, и не один — а то бы он уже тут был. Я с ним во дворе заговорю — или он со мною. Ты слушай. Когда скажу: «Меткая стрела и в бурьяне не затеряется!» — иди, возьми свиток, возвращайся в святилище и с грамотой к нам выходи: мол, вот пропажа обретенная! Обретена она должна

быть чудом, конечно — позаботься, чтоб это было заметно.

— А потом?

Старец Каги-младший хмурится.

— А что потом — это зависит от того, верно ли я всё расчёл. Но тебе больше ничего делать не понадобится. Где нашла, откуда взяла — не помнишь, как обычно.

Хотела бы я знать, что должно случиться, чтобы учитель перестал со мною втёмную играть? Неприятно.

Ну, проводила его, он спать пошёл — всю ночь ехал. Положила свиток, где раньше, занялась своими делами. Если младший советник этот приедет — услышу.

— Он кто? — насторожилась Грузилка.

— Столичный служилый, у него те девочки живут.

— Придут?

— Не знаю. Может, старец о них говорил — что тот не один будет.

— Хорошо. Спросим! Ещё спросим!

Низенький чиновник объявился где-то стражу спустя. Один. Учителя разбудили, он сам к младшему советнику вышел. Стоят друг напротив друга, щурятся, словно меряются, кто из них более сонный.

И сдаётся мне — это не как в прошлый раз. То есть заморочить они один другого не прочь, но в чём-то уже и заодно.

Наконец, чиновник спросил что-то тихо — не слышно, что. Старец возглашает во весь голос:

— Давно бы так! Белый Литейщик издревле хранит Облачную державу. Помогает и людям Государевым в делах службы, ратной и мирной. Молись же! Что утратил — то обретешь! Меткая стрела...

В записях о чудесах обычно пишут: «И не успел он договорить, как явилось чудо». Только я не помню, как — сегодня же чуда не ждала, думала, всё сделаю, как условились. Грузилка на плечах уже не виснет тяжестью — наоборот, подхватывает и словно тащит куда-то. Не помню даже, куда, не слышу, что кругом

творится. Когда слух и зрение вернулись — стою посреди двора напротив этого столичного посланца, в руках — бумаги: и свиток, и ещё какие-то. Жарко, ветер — как от печки. И говорю уже давно, кажется. То есть Грузилка говорит:

— Возьми! Снеси! Покажи! Такая? Черепаха — такая?

И поясняет ошарашенному советнику этому:

— Скоро к морю ехать. Вдруг — не такая? Не узнаем?

Учитель бумаги у меня из рук берёт, передаёт чиновнику. Тот первым делом разворачивает на четверть свиток, заглядывает, скручивает обратно. Потом смотрит другие листки — ох ты, это ж мои ночные рисунки! Вот те раз... И вообще, при чём тут море?

Чиновник надул щёки, что-то соображает. Потом кланяется:

— Покажу, дева. Но по тому, как я помню, по собственному опыту — бывают такие морские черепахи. Только хвост всё-таки покороче обычно.

И, повернувшись к старцу Каги:

— Воистину скоры благие боги в своих вещаниях!

И потише:

— Думаю, и вам ждать вестей недолго.

Учитель потом, проводив чиновника, сразу отправился досыпать. Я тоже вдруг свалилась — не готовилась сегодня к одержимости, в таких случаях всегда силы утекают, надо отлежаться. Заснула и до вечера проспала — даже, кажется, видела во сне это самое море с водяными дивами. Хотела запомнить — но сны хорошо вспоминаются, если самой проснуться. А старец, конечно, такого не допустил — разбудил. Уже ночь на дворе.

— Давай прощаться, дева. Я завтра уезжаю.

— Опять в Столицу?

— Сперва в Столицу, потом дальше. На восток, в Серповое святилище.

— Как это? Надолго?

— Кто же знает...

Тут я окончательно проснулась.

Он уедет — а я что? А меня куда? Я, конечно, тут уже не самая младшая. Но ещё ученица. Да и любая дева состоит при ком-нибудь из старцев. Кому меня передадут? Тут такие есть...

Начала спрашивать, а учитель говорит:

— Не обязательно тебе продолжать учёбу именно здесь. Обрядовая палата наслышана уже о твоих успехах...

Перейти в другое святилище? Или в саму Палату, во дворец? Там вообще все чужие, всё сначала придётся начинать. Да ещё окажется, что я кого-то подсидела, оттеснила... Там-то, небось, девы из столичных семей...

Плакать нельзя, старец слёз не любит. Спрашиваю по-деловому:

— А почему Серповое?

— Если бы ты была грамотна по-мужски, ты бы уже видела. В том перечне, что хранился у тебя, Серповое мечено красной точкой. Это значит, Государевых даров туда в этом году не пошлют. Учитывая такие обстоятельства, Обрядовая палата сочла уместным нас поддержать. Отправляет своё вспомоществование, а вдобавок приказала усилить жреческий состав. Собственно, мною и усилить.

— Понятно, — говорю. — Лучше бы я эту грамоту в неистовстве сожрала. Или правда потеряла.

Он кивает почти сочувственно:

— Воистину не всегда радостно привлекать внимание палаты Обрядов. Но иногда приходится.

Тут я и объявляю:

— Я бы, конечно, не прочь танцевать во Дворце, перед самым Властителем Земель. Но давай я лучше с тобой поеду. Чтобы не противиться божьему вещанию. Там ведь возле Серпового море есть?

— Там, почитай, ничего и нет, кроме моря. Гавань да скалы. Ну, и богатейшие земли вокруг. Восточные

края.

— И потом, я слышала, со жрицами там тоже сейчас — не очень...

Небывалое дело: старец Каги изволил прослезиться!

— Наглая ты, дева Златоцвет. Но коли так — собирайся. Чтобы к утру была готова.

Только бы сейчас Грузилка не выдала чего-нибудь, не пустила бы всё прахом! Вон, сопит в ухо:

— Ничего. Позовём. В гости, к морю!

19. Барышня Намма, дочь младшего советника

Жалко, конечно, что мы с Рю не видели, как Белый Литейщик явил чудо и дева Златоцвет передала батюшке тайную грамоту. Зато она и её душа прислали нам рисунков — какие-то мы уже видели, а какие-то — новые. Когда мы теперь совершим паломничество на Гору — не очень понятно. С одной кормилицей батюшка нас отпускать по-прежнему отказывается, самому ему некогда совсем. А матушка не поедет, пока мы и родня того мальчишки, с которым давеча сцепился братец, не обменяемся всеми положенными извинениями по нескольку раз — это надолго... А сам братец, кстати, словно и ни при чём уже, и даже получается, что тогда он победил. Ну, мы-то знаем правду. И ему напоминаем.

Но главное — пропавшая бумага нашлась, и все довольны. Батюшку пожаловали наградой — распиской на получение всякого добра, и мы с ним спорим, что в доме нужнее. Он считает, что еда, я — что одежда, а кормилица говорит, что могли бы и побольше отписать, чтоб на всё хватило. А Рю говорит, что нужна собака, но собак из казны не выдают. К сожалению.

Господина Кэйрана и господина Ёкодзиму с Нового года обоих понизят в должности, но не выгонят и чинов не отберут. Потому что насчёт чинов пришлось бы всё объяснять Властителю Земель, а у него и без того хлопот много. Но кое-кто из соседей уже говорит, что

Ёкодземе подобало бы утопиться, потому что господин Гээн всё-таки проболтался и теперь все знают, что на стрельбах Ёкодзима сжульничал. По-моему, это всё-таки слишком — топиться по такому поводу. Вот в монахи постричься, наверное, самое оно. Но пока он даже луков и стрел не продал, хотя и пролил много слёз о своём позоре. И попросился в отпуск. А батюшка настоял, чтобы отпуска ему не дали, потому что кто же служить-то будет?

Вообще в Полотняном приказе одна тревога уйдёт, другая настанет. Оказалось, что младший советник один тамошний и ещё лучший батюшкин сыщик, наш родич Хокума, уехали на восток и пропали. В краях, где и до них уже чиновники бесследно исчезали. И непонятно, посылать ли кого нового на розыски или и те канут...

Сегодня утром, правда, пришла добрая весть: этот младший советник вернулся, и даже с задержанным! Батюшка сразу спросил: «А Хокума?» А того вроде так и нет. Батюшка подхватился и побежал в Приказ выяснять.

Не успел он отбыть в должность — у ворот зовут. Глядь — а это господин Хокума и есть, только немножко мокрый. Говорит, что в Приказ ему только завтра, батюшку он тут подождёт, но в сторонке, то есть чтобы к нему близко не подходить. И сел не на крыльце, а в саду. И даже пообедал тоже там.

Рю смотрит, хмыкает:

— Ему под кров нельзя, да?

— Не знаю. Может, скверна какая.

— Может — отшельник стал?

— Это, — говорю, — едва ли. Отшельники в служебном платье не ходят.

Братец с господином Хокумой с крыльца долго беседовал — он теперь всё больше о лошадях болтает. А мне нельзя — только из-за занавески, а сквозь занавеску издали плохо слышно! Я подумала и написала родичу письмо, из дома в сад. А он ответил. И

так у меня вроде как завязалась тайная переписка с видным кавалером! Матушка будет рада.

Наконец, пришёл батюшка и очень обрадовался. Стал зазывать господина Хокуму в дом, а тот ни в какую. Что-то тихонько объяснил, батюшка так и ахнул. Велел принести курильницу, браги и тоже расположился в саду.

Пришлось позвать Рю и потихоньку прокрасться к ним поближе. Раз уж переписка — ах! — безвременно прервалась. Сидим в тростнике у прудика, как лягушки, и слушаем.

— Ты не беспокойся, — говорит батюшка. — Доклад Годзё глава Приказа принял и одобрил, задержка признана оправданной. Хотя то, что Годзё о заразе умолчал, безответственно и глупо. Если сляжет весь Приказ...

— Не весь, — откликается Хокума. — Эта язва к одному человеку по второму разу не пристаёт. Ты к Годзё без белил присматривался?

— Знаешь, мы с ним не настолько близки.

— На лице у него всё чисто, а вот на шее справа метки видны. Стало быть, в детстве переболел. Он свои особые приметы нам велел выучить. На всякий случай.

— Ох...

— Да обошлось всё. Просто пьют они там много.

Батюшка задумчиво поправляет шапку:

— Некоторые брагой от мора берегутся...

— Да нет, мор мы в другом месте застали, в Бобовой долине. Надеюсь, что весть уже пошла куда следует. И что в том краю есть положенные по закону пол-лекаря. Потому что местные предпочитают спасаться изуверством.

— Как это?

— При нас едва не закопали живьём захворавшего мальчишку. В жертвенную яму, вместе с подношениями Моровику. Мы это, конечно, пресекли. Надо сказать, задержанный наш очень неплохо себя показал. Надеюсь, заслуга эта ему зачтётся на суде.

— А остальные все целы?

— Остальных, так уж вышло, при драке и не было.

Он не дожидается, пока батюшка ему выскажет, как это дурно — драться малыми силами, даже если за хорошее дело. Продолжает:

— И вот, вытаскиваем мы парня. А он возмущается! Не надо, говорит. Хочу, говорит, как почтительный сын, умереть за родителей и за всю деревню. Такие высокие понятия в сельской глуши!

— Бобовая? — батюшка что-то сообразил. — А не туда ли был сослан прежний заместитель главы Училища?

— Я и не вспомнил о нём. А ведь верно! Вот так Полотняный приказ и несёт просвещение в отдалённые уголки державы.

— Но вообще-то почтительному сыну следовало бы оставаться при отце с матерью и до последних сил ухаживать за ними, буде они тоже заболеют.

— У них так не принято. Считается, как первое дитя захворает, надо его поскорее уморить, чтобы умерло не от недуга. Тогда и остальные уберегутся.

— Что за дичь!

— Вот и мы с задержанным удивились. А мальчишка в ответ: не скажите, этот обряд ещё как действует! Вон у смотрителя заезжего двора лет двадцать назад старшая дочка заболела той же язвой, он её сам и утопил, как только пятна пошли. Девочек у них в воду кидают. И что же? С тех пор у него в доме все здоровы, сыновья — молодец к молодцу, а младшую дочку даже жрицей взяли в большое святилище.

Рю меня в бок толкает и молча знаки показывает. А я и не думала, что она уже так хорошо разбирает Облачную речь.

Выходит, Златоцвет и её душа — вообще сёстры, причём маленькая старше? И сами, кажется, того не знают. Я из-за этого даже часть рассказа пропустила.

—...кое-как поймали, увязали в мешок. И тут изволит пробудиться господин младший советник.

Выходит на крыльцо, осведомляется, что за возня вокруг воза с вещественными доказательствами. Да вот, говорю, поселяне нас кабанчиком отблагодарили! Годзё: за какие-такие заслуги? За недеяние, отвечаю. В первый раз слышу, молвит младший советник, чтоб добродетель недеяния приносила такие... хм... осязаемые плоды. Ну, как же? — говорю. Приехало большое начальство, никого не схватило, ничего не изъяло, уезжать собирается... Годзё махнул рукой, мы отправились.

— С полным мешком заразы?

— Ну, не бросать же его там было, чтобы изуверы его доконали...

Батюшка качает головой, но не ругается.

— По дороге, конечно, пришлось его вытащить. Младший советник Годзё смотрит: кабанчик, значит? Рябенький? Я повинился, рассказал, как всё было. Задержанный подтвердил, да и сам малый опять понёс про свою сыновнюю самоотверженность. Годзё покричал-покричал, потом решил: довезти до первого храма, где такого возьмут, и сдать монахам. Ну, собственно, это я ему мысль подал.

— И что, сдали?

— Да, тут уже, у ворот. Очищение прошли, в дороге ни к кому из нас вроде хворь не пристала, даже к задержанному. Хотя брага из него к тому времени давно поветрилась.

Батюшка глядин на господина Хокуму. Вздыхает:

— Так. И сей муж сльвёт самым исправным и дотошным по части правил чиновником Полотняного приказа!

Хокума закашлялся — наверно, от дыма курильницы.

— Воистину, — кивает, — близятся последние времена!

И оба хихикают. Потом батюшка уже деловито:

— Но что до изуверства — ты единственный непосредственный свидетель, не считая пострадавшего

и задержанного. Так что изволь сам составить доклад об этой Бобовой главе дома.

— Придётся, — кисло отвечает господин делопроизводитель.

Он, по-моему, Конопляного господина боится ещё пуще батюшки.

— Задержанного жаль, — повторяет он.

— А откуда этот самозванный распорядитель взялся? И как вышло, что на него до сих пор никто не жаловался?

— Младший сын в большом, но не богатом воинском семействе. Бывал на границе, большой славы не стяжал, вернулся раненный, и не то что без добычи — в одних штанах. Вылечился, прикинул, сколько лет ещё ему копить на приличную лошадь и оружие, чтобы вернуться к службе, пал духом и отправился молиться в Серповое святилище. А там, по его словам, жрецы все люди пожилые, утонченные, деловой хватки ни у кого нет. О девах и говорить нечего. Вот он и взялся возглавить хозяйственную часть. Со всем окрестным начальством наладил превосходные отношения, это я сам видел. Там, я бы сказал, не его одного заменять надо на кого-то почестнее.

И вздыхает:

— Будь я один — не управился бы с теми мужиками. Но, с другой стороны, святотатство не может остаться безнаказанным.

— Понимаешь ли, родич, — в растяжку говорит батюшка. — Что касается хозяйственных дел Серповой... тут без тебя вскрылись некоторые новые обстоятельства. Сейчас не буду уточнять, но может выйти так, что этому пьянице всё — или почти всё — сойдёт с рук.

— Он, на самом деле, хуже пьяницы, он спаиватель казённых чинов, — уточняет господин Хокума. — Но если смягчат кару — я рад буду.

И тут, как назло, я чую: сейчас чихну! Это от дыма. Зажимаю нос, Рю стала помогать — обе в воду и

скатились. Батюшка с господином Хокумой услышали, кинулись нас выуживать. И больше уже в этот день ничего любопытного услышать не довелось...